Р. Я. БУТКОВСКАЯ

ИСКУПЛЕНІЕ

Р. Я. Бутковская

Искупленіе

IZDEVNIECĪBA „MIR“, RĪGĀ,
Antonijas ielā 12, dz. 5.

Spiestuve „STAR“, Rigā, Kurmanova ielā 15.

Искупленіе

— Лія — раздался изъ глубины комнаты слабый, надреснутый голосъ.

Лія не слышитъ.

Взобравшись съ ногами на широкій подоконник, она вся ушла въ созерцаніе уличной жизни.

За окном—весна.

Модные весенніе туалеты, соломенныя шляпки, которыя она мысленно примѣряет на своей головкѣ, являются для нея истинным развлеченіем. Взор ея перебѣгает с предмета на предмет, задерживается и восхищенно замирает на фіалках, нѣжных фіолетовых пучках в корзинках продавщиц

— Весна, весна, радостно встрепенулось все ея существо. Шевельнулись губы, вспыхнули глаза.

— Туда! На улицу. Гдѣ фіалки, гдѣ весна.

— Лія!

Мучительные захлебывающіеся стоны из глубины комнаты вернули Лію к дѣйствительности. Лицо ея испуганно вытянулось. Она бросилась к постели матери, но, увидѣв ее, залитую рвотой и кровью, вздогнула от отвращенія, остановилась на полдорогѣ и позвонила сидѣлкѣ.

Избѣгая взора матери, схватила пальто, шляпку и удрала из комнаты.

Длинный устланный ковром коридор санаторіи с многочисленными дверьми, из-за которых заглушенно доносились стоны страданія и боли, наполнял ее ужасом смерти. Съежившись вся, затаив дыханіе, стараясь не слышать, не видѣть, не задумываться, она выбѣжала на улицу.

Шла быстро, без оглядки и только основательно затерявшись в толпѣ — вздыхала полной грудью, как освободившійся узник. Тогда доставала из кармана зеркальце, пудру и красный карандаш на ходу приводя себя в порядок.

— Я не виновата, что я такая,—торопливо, успокаивала она голос совѣсти.—Я не могу там сидѣть, я молода, хочу жить. Потом приходит старость, болѣзни, смерть. Бѣдная мама! Что за страшная болѣзнь—рак! Скорѣй бы уж прекратились ея мученія. Врачи говорят, что у нея здоровый организм, здоровое сердце и неизвѣстно сколько она может еще протянуть.

Лія вздыхала и пожимала плечами.

Она уходила к знакомым, обѣдала в ресторанѣ, заглядывало в кино, в театр, не забывала о дансингах и возвращалась поздно ночью, когда была увѣрена, что мать спит.

Тихонько раздѣвалась, ложилась и моментально засыпала.

——

Лія не могла побороть физической брезгливости к разлагавшемуся тѣлу матери и не приближалась к ея постели. Сидѣла на кушеткѣ или на подоконникѣ, размышляя о своих дѣлах. Но размышленія эти были не такого рода, от которых сползает с лица румянец и пропадает сон. Нѣт. Лія спала крѣпко и так же устойчиво дер-

жался румянец на ея лицѣ. Размышляя она уносилась далеко из этой унылой комнаты, забывала о присутствіи матери, не чувствовала на себѣ ея взора, полнаго горечи. Глаза ея загорѣлись мерцающим блеском, а на устах разсцвѣтала безпечная улыбка молодости.

Ее было девятнадцать лѣт.

——

Эсѳирь Соломоновна смотрѣла на дочь почти с ужасом, не довѣряя самой себѣ.

Развѣ это была ея дочь? Ея Лія, над которой она проводила безсонныя ночи, когда многочисленныя дѣтскія болѣзни приковывали ее к кроваткѣ, над ней ли стояла, затаив дыханіе, с молитвой на устах в минуты кризиса.

Развѣ это она? Ея гордость, смысл ея жизни. Ея Лія.

Этот чужой враждебный человѣк, что крутился по ея комнатѣ, не находя себѣ мѣста, с холодным разсчетом поджидавшій ея смерти.

Да, поджидавшій. В этом не могло быть никаких сомнѣній...

Сколько раз она ловила на себѣ настойчивый взор дочери, в котором горѣло злобное нетерпѣніе

— Скорѣй бы это кончилось!

Эсѳирь Соломоновна, стиснув зубы, тихо застонала. Глаза ея, познавшіе страданіе и боль, вяло блуждали по потолку и стѣнам, тупо глядѣли в окно.

— Там—жизнь. Я уж туда не вернусь.

Это было понятно само собой. С постели она уж не встанет. С постели ее унесут. В концѣ-концов помирать все равно надо и это поневолѣ примиряет со многим. Но умирать на чужбинѣ, на чужих руках, умирать одной — как это тяжело.

Об этом она никогда не думала, окруженная комфортом, любимым мужем и любимой дочерью.

Двадцать лѣт своей жизни она посвятила им. Их удобствам и капризам. Ничего не требуя взамѣн. И все же в тот момент, когда она болѣе всего в них нуждалась, она их не имѣла.

Судьба была к ней безжалостна. Она набросилась на нее в тот момент, когда болѣзнь приковала ее к постели. Удар за ударом наносила с неумолимой жестокостью, лишая ее возможности роптать и защищаться.

Тѣло ея съѣдала болѣзнь, душу — смертельное отчаянье.

Едва слегла Эсѳирь Соломоновна, как сраженный горем заболѣл и муж. Паралич разбил его на улицѣ. Его подняли и на носилках увезли в больницу.

Извѣстіе о несчастьи с мужем Эсфирь Соломоновна встрѣтила таким душу-раздирающим криком, что профессора и сидѣлки, привыкшія к подобным сценам, должны были единогласно признать, что такого отчаянья еще не видѣли.

Это был рев смертельно раненнаго животнаго.

Этот вопль потряс стѣны комнаты и повис на них. Кто слышал этот крик, крик человѣка, сознающаго свое безсиліе, брошеннаго на произвол судьбы—никогда не забудет его.

Сознаніе, что в долгіе часы борьбы со смертю она будет одна и не увидить больше никогда дорогого лица, не встрѣтит сочувствующаго дружескаго взгляда, ласковаго пожатія руки—причиняло ей такое нечеловѣческое страданіе, что над ней сжалились и вспрыснули большую дозу морфія.

Она уснула.

——

Вернувшись как-то из города и застав мать спящей, Лія на цыпочках подошла к зеркалу. Развернула принесенный пакет и стала примѣрять к шляпѣ длинную черную вуаль. С большим вниманіем присматривалась она к своей физіономіи. Нечаянно толкнув ногой стул, она пришла в ужас.

— Неужели проснется?

Раздался тихій голос Эсѳири Соломоновны.

— Кто там?

Лія не в силах была отозваться: что-то стиснуло ей горло. Она хотѣла удрать, скрыться, но ноги ея словно приросли к полу.

Эсѳирь Соломоновна открыла глаза, шевельнулась, разглядѣла у зеркала Лію, разглядѣла черную вуаль. Лія готова была сквозь землю провалиться. Она стояла, как уличенная преступница.

В эту минуту она и чувствовала себя преступницей. Она убила в матери послѣднюю надежду, послѣднію иллюзію выздоровленія.

Какой-то странный звук донесся до нея. Не то смѣх, не то рыданіе, не то стон.

— Мама! — крикнула Лія, заливаясь слезами жгучего раскаянья — бѣдная мама!

В одну секунду она очутилась подлѣ ея постели, упала на колѣни, плакала и цѣловала безсильныя исхудавшія руки.

— Мамя, прости меня, что я такая.

Но удар был слишком силен. Удар, нанесенный той, которая была ей дороже жизни.

— Лія, — прошептала мать отвернувшись, — ты — сволочь, что не отравляешь меня.

Не могу, мама дорогая, пойми, что не могу, — рыдала Лія, — прости меня, что я такая.

Раскаяніе и мольбы дочери смягчили немного Эсѳирь Соломоновну. Глаза ея наполнились слезами.

— Ты не виновата, — произнесла она дребезжащим голосом. — Моя вина в том, что ты такая. Я тебя баловала, всю жизнь отдала тебѣ. Этого нельзя дѣлать. Надо жить для себя. Запомни это.

Она умолкла, вѣки ея устало опустились. она задремала.

— —

С тѣх пор Лія еще меньше старалась оставаться с матерью наединѣ. Она находила множество предлогов, позволявших ей исчезать по цѣлым дням. Она избѣгала глядѣть матери в глаза, избѣгала разговоров с ней, на вопросы отвѣчала торопливо и односложно.

Эсѳирь Соломоновна молча принимала всѣ ея заявленія. Она понимала ту тягостную неловкость, которую испытывала Лія, встрѣчаясь с ней взором и в свою очередь старалась ея не замѣчать Все равно Лія уже ушла из ея жизни.

Лія уже взрослый самостоятельный человѣк, она уже в ней не нуждается. В ней уже никто не нуждается. Ждут ея смерти.

— —

Однажды Лія вернулась ранѣе обыкновеннаго и, едва успѣв притворить за собою дверь, радостно заявила:

— Знаешь, мама, папѣ значительно лучше. Я сегодня была у него. Врачи разрѣшили ему встать с постели. Он уже гуляет.

Лицо больной встрепенулось. ожило, засвѣтилось надеждой. Она с мольбой протянула к дочери руки.

— Я хочу его видѣть. Лія приведи его ко

мнѣ. Благословлять тебя буду. Доставьте мнѣ эту послѣднюю радость.

Лія скинула с себя пальто и присѣла к матери на постель.

— Хорошо, мама, завтра утром пойду и приведу его. Только не волнуйся...

— Нѣт, я не волнуюсь, но разскажи, как он выглядит. Тепло ли он одѣт? В чем он гулял, в шубѣ?

— Что ты, мама, вѣдь тепло, вѣдь уже весна. Он гулял в синем пальто с бархатным воротником. Выглядит не важно, но врачи говорят, если он будет избѣгать волненій и вести спокойный образ жизни, то скоро поправится.

Лія долго еще говорила о всевозможных мелочах, интересовавших мать. Безчисленное множество раз описывала свою встрѣчу с отцом. Как он сидѣл в саду, как поднялся к ней навстрѣчу элегантный, бодрый, как произвел на нее впечатлѣніе вполнѣ здороваго человѣка и так далѣе и тому подобное. Эсѳирь Соломоновна готова была слушать всю ночь, но Лія замѣтив это, заявила:

— Ну, а теперь, мама, спи. Я тоже лягу...

Лія уже лежала в постели, готовясь заснуть, как до нея донесся тихій голос матери:

— Так уже весна, говоришь?

— Да, мама, весна.

В отвѣт раздался скорбный вздох, но Лія его не слышала. Она крѣпко спала.

— —

... Привѣтствую тебя, дорогая Эсинка! Будь спокойна, скоро увидимся.

Цѣлую. Твой Саша.

Крупныя слезы катились из глаз больной. Она все еще держала перед глазами коротень-

кую сухую записку мужа, не довѣряя ей, не довѣряя самой себѣ.

— Прочти ты, Лія, я что-то плохо вижу.

Лія, кусая губы, прочла записку.

— Он не пришел, он не придет, я не увижу его Послѣднюю радость отняли у меня. Но почему он не пришел, скажи. почему?

— Мама, я же тебѣ сказала, отчего ты не хочешь понять. Врачи запретили ему. они говорят, что всякое волненіе подѣйствует на него убійственно и всю его поправку как рукой снимет. Неужели ты себѣ не представляешь как повліяет на него встрѣча с тобой. Ради него ты должна отказаться от этой встрѣчи.

— Ради него, а ради меня ничего нельзя сдѣлать? — безпомощно всхлипывала Эсѳирь Соломоновна. — Это ужасно. Я бы так не поступила. Если б я только могла бы сойти с постели, я бы на край свѣта примчалась к нему. А он — ходит, гуляет, одѣвается без посторонней помощи, элегатный, смѣется, в одном городѣ. На когда он откладывает наше свиданіе? Он не знает моей болѣзни, не знает, что я не сегодня —завтра могу умереть? Он просто не хочет меня видѣть. Я уж не нужна ему. Ужасно, ужасно. И ты, Лія, почему ты не сумѣла его уговорить, почему не привела его ко мнѣ? Ты такая же эгоистка, как и он. Это подло с вашей стороны. Уйди, дочь моя, уйди.

— Мама успокойся.

— Да, да, я успокоюсь Но уходи уже, уходи. Я буду спать.

Лія медленно медленно одѣвалась, подыскивая слова, которыми могла бы утѣшить мать, но не найдя таких, с тяжелым сердцем удалилась.

— —

Когда думать и страдать не стало сил, больная, предоставленная самой себѣ, заглянула в прошлое, в надеждѣ найти оправданіе своему несчастью.

— За что я так наказана, Бог ты мой, за что?

Эсѳирь Соломоновна мысленно перелистывает страницы прожитой жизни. Взор ея перебѣгает со страницы на страницу, не находя на чем задержаться. Все так обыкновенно. честно, мелкія радости, мелкія горести. Это первый період ея жизни—до свадьбы. Затѣм начинался второй період—послѣ свадьбы и на первых же страницах ея предсмертный испытующій взор задержался с особенным вниманіем. Что там было?

. . . Вечер. Большая неуютная комната, освѣщенная ночником. По углам — четыре дѣтскія кроватки. В кроватках—четыре приподнятыя дѣтскія головкн, четыре пары испуганных глазок.

— Спите, дѣтки, спокойно. Я буду вашей мамой, — слышит она свои собственныя слова, прозвучавшія тогда торжественно, как клятва.

Но клятвы она не сдержала. Сироткам матери не замѣнила. Была для них злой, безжалостной мачехой. Всю любовь, всю нѣжность до остатка она отдала появившейся вскорѣ Ліѣ. Четверо нянек было к услугам маленькаго тирана и горе было той, которая не сумѣла ему угодить.

Сиротки росли запуганными, заплаканными и ожили лишь тогда, когда стали посѣщать школу.

С тѣх пор из их комнаты часто доносился беззаботный смѣх, от котораго Эсѳирь Соломоновна вся вскипѣла. разгнѣванная. красная она влетала к ним в комнату.

— Тише вы, дармоѣды, разбудите мнѣ Лію! И награждала всѣх огненными пощечинами.

Но пришло время, когда дѣти стали бунтовать против неограниченнаго деспотизма мачехи.

Тогда она прогнала их из дому, навсегда вычеркнув их из своей жизни. Она бы совершенно забыла о их существоваиіи. но ей напоминали. Сосѣди, знакомые, родные.

Как вы поступили с ними. Бѣдныя дѣти валяются по чужим углам голодныя, заброшенныя, больныя.

Душа болит на них смотрѣть. Ни бѣлья, ни платья. Как нищіе. Но развѣ отец их нищій? Развѣ о крупных пожертвованіях. которыя он дает на благотворительныя цѣли не говорят в городѣ? Пусть бы он о собственных дѣтях позаботился Вам это даром не пройдет. Настанет время, когда вы поймете, что совершили величайшее преступленіе.

Настанет час расплаты и никто и никто не пожелал бы быть тогда на вашем мѣстѣ. Опомнитесь, пока не поздно.

— Час расплаты наступил. Час расплаты... Больная открыла глаза, полные смертельнаго ужаса. Со всѣх сторон обступили ее призраки Дѣти. Оборванныя блѣдныя, с искаженными личиками. Сиротки, которых она навсегда лишила отцовскаго крова. Но почему их так много? Их было только четверо. Онѣ приближаются к ней, онѣ убьют ее.

— Лія! — хриплым звуком вырвалось у ней из горла, — Лія скорѣй!

Лія не слышит зова матери. Постель ея пуста.

— Лія, — простонала больная в смертельной тоскѣ, — о, как я наказана. Ушла, оставила умирать одну.

Но развѣ она одна? Нѣт. Сиротки с нею. Сейчас онѣ начнутся, будут бить ее, царапать.

— Ну что же, дѣти, бейте, царапайте. Я в ваших руках. Вы уж не прибавите мнѣ ни боли, ни страданій. Я испила чашу до дна.

Склонившіеся над ней призраки не били ее, не царапали. Блѣдныя личика их исполнены были глубокой печали и неожиданно всѣ вмѣстѣ заплакали. Слезы потоками струились из их глазок, падали больной на грудь, лицо, шею Слезы эти проникли внутрь ея тѣла и от этих слез стало ей удивительно легко. Исчезла боль, растопилось страданіе.

— Дѣти, чего вы плачете? удивленно прошептала больная, вѣдь вам хорошо теперь. Вы выросли здоровыми, красивыми, счастье улыбнулось вам. Чего вы плачете?

— Жаль тебя, мамочка!

Дрогнуло, казалось, все вокруг от этих слов.

Сверкнуло, что-то в воздухѣ огненными буквами.

— Искупленіе! не то прочла, не то угадала больная и свѣтлая радость залила ей душу.

— Дѣти, не плачьте, я недостойна ваших слез. Но призраки плакали и от их слез ей становилось все легче и легче. Невыразимое спокойствіе легло на ея черты. Вѣки ея опустились, легкій вздох облегченія вырвался из ея груди и она погрузилась в сладостное забытье, незамѣтно перешедшее в вѣчный сон.

——

Лія вернулась, когда начинало свѣтать. Она едва держалась на ногах от усталости. Бѣдняжка всю ночь провела в „танцулькѣ“ с веселыми парнями, которые ни за что не желали ее отпускать.

— У меня мать больна, мнѣ пора домой, — пробовала она вырваться, но это было совершенно невозможно.

— Ну так что с того, что больна. Теперь ночь, она спит, чѣм вы ей поможете?

— Дѣйствительно,—мысленно согласилась с ними Лія,—чѣм я могу ей помочь. И больше уж не рвалась домой, отлично успокоив голос совѣсти.

Проходя как можно тише мимо постели матери, Лія кинула на нее мимолѣтный взгляд и в изумленіи остановилась. Выраженіе лица матери было такое необыкновенно радостное, просвѣтленное, какого она никогда у ней не видала.

— Что случилось? Неужели она выздоровѣла:

Лія приблизилась к постели, дотронулась до лица, до рук матери и мгновенно отпрянула.

— Так вот в чем дѣло — умерла!

— Умерла моя мать,—повторила она шопотом,—умерла в то время, как я танцовала. Быть может звала меня. Бѣдная мама! Чувствуя, что глаза ея наполняются слезами и рыданія подступают к горлу, Лія встряхнулась, взяла себя в руки. — Нечего плакать, нечего. Ей уже хорошо, она не страдает больше.

Подошла к зеркалу, строго взглянула на себя — Нечего притворяться перед самой собой. Смерть матери тебя мало трогает. Ты теперь свободный человѣк Траурная вуаль тебѣ

к лицу. Ложись спать, будешь завтра интересной. — Но слезы все же струились по ея лицу. Она сердито отошла от зеркала. — Не надо плакать, глаза вспухнут. — Этого оказалось достаточно. Лія вспомнила, как выглядѣла раз с опухшими глазами и слезы мгновенно изсякли.

Быстро раздѣвшись, она юркнула в постель и моментально уснула.

Эксперимент

Бѣлую хризантему из петлицы смокинга вѣтер уволок в темную ночь. Рвал, терзал ее подгоняя по снѣгу, срывал лепесток за лепестком пока не остался зеленый скелет. Тогда оставил его в покоѣ, а падавшій снѣг в нѣсколько минут сравнял его с землей.

— Вот и конец...— почти вслух произнес стоявшій в широко распахнутом окнѣ Воронецкій, когда такси, увозившее Тамару с художником Демановым скрылось из виду.

На блѣдных устах его блуждала язвительная усмѣшка, но в глубинѣ глаз поблескивали растерянно-гнѣвные огоньки.

Вѣтер трепал его волосы, обдавал ледяным дыханіем, крохотными снѣжинками покрывал смокинг.

Длинная занавѣсь из тонких кружев взвилась к потолку, металась и конвульсивно вздрагивала.

— Закрыть окно! Что за безуміе!—раздались вокруг протестующіе голоса.

Воронецкій не двинулся, не слышал. Глядѣл в окно, в темную ночь.

Его оттолкнули, захлопнули окно. Люди

собрались вокруг него тѣсной толпой, с жадным любопытством заглядывали ему в лицо.

— Что случилось?—спросил кто-то.

Воронецкій глядѣл в толпу не видя никого. Все слилось в пеструю скачущую массу. Музыка, разсыпаясь каскадами бравурных насмѣшливых звуков, причиняла почти физическую боль. Он почувствовал головокруженіе и, ступая невѣрными шагами, двинулся вперед. Толпа в безмолвіи разступилась перед ним. Глядѣла ему вслѣд пока он не скрылся из виду, а затѣм переглянувшись, пошептавшись вернулась в зал приплясывая на ходу и подпѣвая модный напѣв гремѣвшаго оркестра.

Бал близился к концу.

———

Такси быстро мчалось по тихим безлюдным улицам.

— Куда мы ѣдем?—взволнованно спросила Тамара.

— Куда хотите. Быть может отвезти вас домой? — с любопытством глядѣл на нее Деманов.

Тамара нервно расхохоталась.

— Это было бы самое правильное, но мужчины нас учат, что правильно поступать — самое неблагодарное дѣло, а потому эту ночь я проведу с вами. Гдѣ? Безразлично.

— В таком случаѣ ѣдем ко мнѣ, ладно?

Тамара обдала его взглядом холоднаго презрѣнія, но утвердительно кивнула головой.

Деманов наклонился к шоферу и сообщил адрес. Откинувшись на сидѣнье он отыскал руку Тамары и поднес ее к губам.

— Вы не должны меня ненавидѣть. Не моя вина в том, что случилось. Я быть может был слишком откровенен, но я не имѣл и не имѣю

намѣренія злоупотреблять вашим довѣріем. И прошу вас принять во вниманіе, что орудіем вашей мести я быть не согласен.

Тамара подняла голову и с удивленіем на него взглянула.

— Моей мести? Я об этом не думала... Во всяком случаѣ вы можете со мной попращаться, сухо произнесла она и отвернулась.

Такси задержалось. Шофер распахнул дверцу Деманов выскочил и подал ей руку.

— Мы пріѣхали. Не будем больше говорить о происшедшем. Мнѣ теперь все ясно.

На лицѣ его застыла самодовольная торжествующая усмѣшка, которая невыносимо раздражала Тамару. В молчаніи она протянула ему руку и презрительно поморщилась, когда он ее крѣпко сжал.

— Вначалѣ мнѣ показалось, что вы лишь ослѣплены жаждой мести и совершенно не видите меня, тихо произнес Деманов, когда они поднимались по лѣстницѣ и вкрадчивая ласковость звучала в его голосѣ.

— А сейчас вы поняли, что ошиблись, не правда ли! Ну, конечно К чему такая скромность, к чему слова? Вы так красивы и так обольстительны, что находясь в вашем обществѣ не думаешь ни о ком и ни о чем, с—тщательно скрытой ироніей произнесла Тамара, устало склонив голову к его плечу.

— Вы удивительная женщина,—прошептал Деманов,—вы меня несказанно заинтриговали. Но вот мы и дома.

———

Ночь уплывала... На землю чуть замѣтно спускался разсвѣт...

— Это упрямство, каприз, не болѣе, раз-

драженно бросил Деманов сквозь стиснутые зубы и уткнулся лицом в подушку.

Тамара не отозвалась ни словом.

— Вѣдь я тебя не звал, раздался опять приглушенный подушкой голос Деманова, ты сама...

— Бросилась вам на шею? — докончила Тамара его мысль.—Неправда ли? Но, Бог ты мой, я никак не ожидала, что вы окажетесь таким скучным Вот что!—Кинув бѣглый взгляд в окно, она проворно соскочила с постели торопливо стала одѣваться.

Деманов слѣдил за ней чуть приподнявшись.

— Куда ты так спѣшишь? Неужели к нему? произнес он с ядовитой усмѣшкой. — Вѣрь мнѣ, он тебя прогонит.

— Не ваше дѣло!

Тамара подошла к умывальному столику, налила в таз холодной воды и с наслажденіем погрузила в нее разгоряченное лицо.

— Ты его любишь!—больно рѣзнул ее холодный голос Деманова.

Она вздрогнула и испуганно выпрямилась.

— Нѣт, нѣт! — поспѣшно сорвалось с ея губ и наскоро осушив лицо мягким полотенцем она в нѣсколько минут закончила свой туалет. Как непріятно ей было натягивать на себя нарядное вечернее платье. Каким оно казалось сейчас смѣшным и жалким в это едва народившееся зимнее утро. С какой радостью разорвала бы она его в клочки.

— Он тебѣ не повѣрит, не поймет...

Неслышно подошедшій Деманов в длинном сиреневом халатѣ и мягких домашних туфлях подавал ей мѣховое пальто. Его красивое молодое лицо было спокойно, в блестящих черных глазах свѣтилось теплое сочувствіе и пониманіе.

— Он меня, кажется жалѣет,—вспыхнула Тамара, теперь она почувствовала себя болѣе обнаженной чѣм когда лежала с ним в постели.

— Вернись ко мнѣ, — шепнул ей Деманов на ухо,—если он...

Тамара вырвала из его рук свое пальто и закутавшись в него, рѣзко произнесла:

— Никогда!

Она направилась к двери и, вся сгорая от нетерпѣнія поскорѣе очутиться на улицѣ, с силой рванула ее. Дверь не поддавалась. Тамара не могла разглядѣть как она открывалась. Слезы застилали ей глаза.

— Отворите же! — крикнула она с отчаяніем. — Скорѣе!

Лишь тогда Деманов тронулся с мѣста. Но вмѣсто того, чтобы отвориль дверь. он привлек Тамару к себѣ и внимательно заглянул ей в лицо.

— Я не хочу, чтобы ты так ушла, унося в своем сердцѣ ненависть ко мнѣ. Косвенным образом я, правда, виноват, но, повѣрь, сильно раскаиваюсь в своем поступкѣ. Ты меня ввела в заблужденіе. Ты совсѣм не такая, какой хотѣла казаться. Ты просто бѣдная дѣтка, которую обидѣли. Но нельзя же из всего дѣлать трагедіи. Тогда уж лучше во все не жить. Свѣт ты уж не перестроишь. Черное всегда останется черным, а солнце всегда будет свѣтить для счастливых и несчастливых.

Тамара спрятала лицо в его душистый сиреневый халат и старалась побороть в себѣ желаніе разрыдаться.

— Почему этот человѣк, с которым только вчера познакомилась, так хорошо ее понял, — думала она и почувствовала как вся ея злоба против него испарилась безслѣдно. Осталась только горечь.

— Конечно, он не так уж виноват, — рѣшила она, если тот позволил, почему бы нѣт.

Деманов провел рукой по ея черным волосам.

— Ну, скажи же мнѣ, что не будешь видѣть во мнѣ врага?

— Не буду...

— Что бы не случилось?

— Что бы ни случилось,— тихо проронила Тамара и мягко отстранила его. — А теперь, прощайте.

Она протянула ему руку. Деманов поймал и другую и поочередно цѣлуя их, говорил.

— Не прощайте, а досвиданья. Приходи, когда вздумается, я напишу с тебя портрет, пошлю в Париж на выставку. Вот будет весело. Не унывай, не грусти, плюнь на все. Не одной любовью люди живы. И так, Тамара, до свиданья?

Тамара блѣдно усмѣхнулась.

— До свиданья...

——

Когда Тамара вышла на улицу, было уже совсѣм свѣтло. Легкій морозец обдал ее свѣжестью и бодростью. Она рѣшила итти пѣшком, но волочившійся по снѣгу длинный трэн ея платья и двусмысленные взгляды прохожих заставили ее отказаться от этого намѣренія. Она подозвала такси.

По ея уходѣ Деманов долго разгуливал по комнатам кое-что обдумывая и затѣм заперся в своей рабочей комнатѣ.

——

— Ты пришла? Ты осмѣлилась притти?

— Как видишь...

Воронецкій уловил взгляд Тамары брошенный на пепельницу, полную окурков. Вспомнил, что он в смокингѣ, что забыл переодѣться и что

ей ясно, что он всю ночь не спал, а просидѣл в креслѣ. В то время как она была свѣжа, спокойна и даже насмѣшлива.

— Зачѣм ты пришла? — произнес он, загораясь гнѣвом, посмѣяться над моим униженіем?

— Только без громких фраз. Дѣло гораздо проще. Мнѣ необходимо переодѣться, а затѣм запаковать свои вещи или же — если ничего не имѣешь против—остаться с тобой.

Воронецкій так и рванулся весь в своем креслѣ.

— Что такое? Или я ослышался? Послѣ того, что ты себѣ позволила, ты смѣешь надѣяться, что между нами все останется попрежнему? Это поразительно!

Тамара внимательно заглянула ему глубоко в глаза, но прочла в них столько ѣдкой ненависти, что невольно отступила, подобрав трэн платья, она быстро направилась в сосѣднюю комнату.

— За кого ты меня принимаешь? — кричал Воронецкій. — За мальчишку, который будет плясать по твоей дудкѣ? Нѣт, милая, ты далеко зашла в своих разсчетах. Я не позволю топтать своего достоинства...

— О, — насмѣшливо хохотала Тамара, торопливо переодѣваясь—ты серьезно воображаешь, что оно у тебя имѣется? Как жаль, что ты о нем так поздно вспомнил...

Минут через десять она показалась в дверях совершенно готовая к выходу. На ней была коричневая мѣховая жакетка, коричневая в складках юбка, шляпка, спортивныя туфли и чулки под цвѣт. В руках она держала перчатки и небольшую муфту.

Воронецкій взглянул на нее со злобным изумленіем.

— Ты смѣешь меня в чем-нибудь упрекать? Ты?!

Тамара стояла в нѣскольких шагах от него, но разстояніе отдѣлявшее их увеличивалось с каждой секундой. Минута разставанья неумолимо надвигалась.

— Неужели ты, дѣйствительно, не понимаешь, что во всем происшедшем ты один виноват? — тихо сказала она и голос ея дрогнул возмущеніем.

— Вот как! — неестественно разсмѣялся Воронецкій, откинувшись на спинку кресла. — Это, знаешь, совсѣм ловко. Откуда в тебѣ столько хитрости? Я считал тебя скромной и послушной, как овечка, а ты оказывается была волчицей в овечьей шкурѣ.

— И в этом твоя заслуга. Ты меня на это толкнул. Я только закончила то, что ты начал. Если это даже послужит поводом к нашему разрыву, то я и тогда не пожалѣю. Я не могла иначе.

Послѣднія слова Тамара произнесла чуть слышным, упавшим голосом и, как-то сразу ослабѣв вся, опустилась в кресло.

Воцарилось молчаніе. Но не надолго. Слишком кипѣло в ней негодованіе. Нанесенная рана свѣжа, сочислась, рвала болью.

Она впилась в него горячими сухими глазами.

Опять голос дрожал возмущеніем.

— Вспомни вчерашній вечер. Как хорошо нам было вдвоем. Какой дивно прекрасной казалась нам жизнь. Я никогда так остро не ощущала своего счастья, как в этот вечер. Вдруг подошел к нашему столику Деманов. Он сыпал анекдотами, мы веселились, пили бокал за бока-

лом. Он нам не мѣшал. Мы не стѣснялись его присутствія. Но вот я вижу, как Деманов наклоняется, что-то шепчет тебѣ на ухо. Нѣчто странное и мнѣ непонятное засвѣтилось в твоих глазах.

— Пойдем, — говоришь ты, — мы покажем одну комнату. Увидишь в ней то, чего еще никогда не видѣла.

Я пошла. Потому, что ты шел со мной. Потому, что пошла бы всюду, куда бы ты меня ни повел!

Тамара на секунду умолкла.

Жгучій укор почудился Воронецкому в ея словах. Он покраснѣл и безпокойно шевельнулся в креслѣ. Но ничего не возразил в свое оправданіе, хотя ему ясно было, что Тамара ждет объясненій.

— Приходим в эту комнату. Я оглядываю ее, но ничего такого особеннаго в ней не нахожу. Оборачиваюсь, хочу сказать, что это вѣрно шутка, но в ту же минуту вижу над собой лицо Деманова и прежде, чѣм успѣваю сообразить в чем дѣло—я в его руках и чувствую на своих губах его поцѣлуй. А ты...

Черные глаза метали искры презрѣнія. Она чуть нвклонилась вперед и понизила голос до шопота, выразительнаго и отчетливаго.

— А ты... ты стоишь и смотришь, как я стараюсь вырваться из его рук и не торопишься мнѣ помочь. Как ты поступил со мной? Как назвать твой поступок? Чѣм объяснить его? Ты мог мег меня бросить. мог измѣнить — я бы все поняла. Но ты насмѣялся надо мной! Унизил, окунул в грязь!

Тамара встала, нервно прошлась по комнатѣ и задержалась у окна. Глядѣла на улицу разсѣянным невидящим взором и говорила.

— В чем твое униженіе? В том, что я про-

вела эту ночь с Демановым и „осмѣлилась притти“ к тебѣ? Но развѣ ты меня не ждал? Вѣдь ты был увѣрен, что я приду. Как по твоему я должна была поступить? Не придать этому инциденту никакого значенія, разсмѣяться, обратить его в шутку, не так ли? И тогда все между нами осталось бы попрежнему. Возможно ты на это расчитывал. Но как мало ты меня знал!

Когда Деманов выпустил меня из рук и вы отошли в сторону вполголоса о чем то бесѣдуя— я не сразу опомнилась. Трудно было мнѣ собрать мысли.

— Что случилось такого? — спрашивала я себя. Все было как и раньше. В танцовальном залѣ гремѣла музыка, ярко горѣли люстры, доносился безпечный говор, смѣх—только я как-то сразу окаменѣла вся. Долго это не продолжалось. Я скоро сообрасила, что все, что сейчас произошло—было с твоего согласія, под твоим покровительством. Тогда я рѣшила побить тебя твоим же орудіем, причинить тебѣ столько же боли, сколько и ты мнѣ; заставить тебя призадуматься и понять, что не все можно себѣ позволить безнаказанно.

— Поцѣлуй Тамары, моей Тамары — какая ерунда, какой пустяк, я могу им распоряжаться, думал ты.

Что вообще означает в наше время поцѣлуй?

Есть ли тут над чѣм задуматься? Конечно, нѣт!

Что за вздор, не правда ли? Но ты забыл, что тебѣ тридцать шесть лѣт, а мнѣ восемнадцать. И если для тебя этот поцѣлуй являлся лишь забавой, то для меня он был тѣм громом с ясного неба, убившем во мнѣ вѣру в людей, во все свѣтлое и чистое, но, к сожалѣнію, не убившем моей любви к тебѣ. И это мнѣ болѣе всего непонятно.

Тамара умолкла Взором, полным тоски, она смотрѣла на улицу, гдѣ кипѣла жизнь.

Прислушивалась к внутреннему своему голосу. Голос этот говорил:

— Все кончено. Надо уйти. Он не простит...

— Ты все сказала? Или собираешься еще быть может мнѣ доложить о дальнѣйших событіях минувшей ночи? — с колючей ироніей освѣдомился Воронецкій.

— Не мѣшало бы, но я раздумала. Все равно это ничего не измѣнит. Тѣм болѣе, что ты еще ничего не сказал, — произнесла Тамара не оборачиваясь.

— Ты ждешь объясненій? Изволь. Это было пари. Деманов утверждал, что женщина, которую он поцѣлует, должна ему принадлежать. Меня это заинтересовало и я предложил ему произвести этот эксперимент над тобой, столько увѣрявшей меня в своей любви. И что же? Едва он тебя выпустил, как ты схватила его под руку и заявила, что эту ночь проведешь с ним. Поистинѣ рѣдко удачный эксперимент· Ха-ха ха! Ха-ха-ха!

Вся кровь бросилась в лицо Тамарѣ. Стремительно подскочив к Воронецкому она отпустила ему огненную пощечину.

— Как ты смѣл! -- прохрипѣла она вся дрожа от негодованія, — как ты смѣл!

Глаза Воронецкаго горѣли торжествующей мстительностью.

— Что, невкусно! Ничего, привыкай. Жизнь вѣдь не из однѣх роз состоит. Да, это было пари, которое Деманов блестяще выиграл. А ты? Бѣдная, как мнѣ тебя жаль. Но что больше никакого интереса ты для меня не представляешь, а потому наша совмѣстная жизнь закончена...

Тамара глядѣла на него не отрываясь, словно только сейчас его узнала. Безконечное горестное изумленіе засвѣтилось в ея глазах. Она

отступила от него и медленно стала натягивать перчатки. Правда предстала перед нею во всей своей наготѣ.

— Ты глуп, мой милый, произнесла она с сожалѣнiем, ты просто глуп. Как я этого раньше не замѣчала. Если ты уж так во мнѣ сомнѣвался, надо было разрѣзать мое сердце для того, чтобы убѣдиться. Результат был бы один и тот же. И в том и в другом случаѣ я для тебя умерла. Прощай...—тихо прозвучали ея слова и так же тихо притворила она собою дверь, уходя.

— —

Воронецкiй остался один. Закрыв лицо руками он думал.

— Она, пожалуй, не виновата. Не надо было этого дѣлать.

Но тут же возмутился.

— Нѣт, надо было! Надо знать с кѣм живешь, кому довѣряешь.

Он встал, напился воды из графина и подошел к окну. В это время в дверь кто-то тихо постучал. Воронецкiй насторожился.

— Неужели она? Что дѣлать?—растерянно взглянул он на дверь. Опять постучали. Громче, настойчивѣй.

— Войдите!—крикнул он.

Вошел посыльный с огромной корзиной бѣлых хризантем.

— Цвѣты?—удивленно пробормотал Воронецкiй, от кого это?

Посыльный протянул ему крохотный бѣлый конвертик и поставил цвѣты на пол.

Нетерпѣливыми, дрожащими пальцами, Воронецкiй вскрыл конверт.

С искренним и сердечным привѣтом.

Деманов.

— Негодяй! закричал Воронецкій приходя в ярость, он еще насмѣхаться вздумал. Я его застрѣлю!

Изо всей силы он толкнул ногой корзину. Та перевернулась, посыпался свѣжій зеленый мох, горшки с хризантемами покатились по полу, разбились. Хризантемы помялись, загрязнились. Перепуганный до смерти посыльный со всѣх ног бросился из комнаты.

Воронецкій тяжело дышал, ноздри его трепетали, глаза пылали гнѣвом.

— О, нѣт. Это ему так не сойдет,—скрежетал он зу зубами в безсильной злобѣ.

На письменном столѣ прозвучал звонок телефона. С искаженным еще лицом Воренецкій снял трубку.

— Алло! Да, это я. Кто говорит? Деманов?

Вы?! Послушайте, ваша наглость изумительна. Вы смѣете мнѣ звонить? Что??

— Вы проиграли пари?!

Воронецкій почувствовал как у него в горлѣ сразу пересохло. Колѣни у него подкосились, он опустился в кресло. В ушах зазвенѣло и он с трудом слушал, что тот ему говорил.

— Алло!—произнес он, Когда Деманов умолк, почему я должен вам вѣрить? Вы ее рисовали? Я могу притти посмотрѣть?

Она меня любит? Была ошеломлена моим поведеніем? Не могу. Ея нѣт. Да, мы разошлись. Да, я ей сказал. Таких вещей не говорят женщинѣ? Может быть. О, нѣт, она мнѣ этого не простит. Что дѣлать? Ах, не знаю, ничего не знаю. Зачѣм вы вмѣшались в нашу жизнь! Мы были так счастливы, но демон зла и разрушенія сидѣвшій в вас не мог этого переносить и подшепнул мнѣ дикую мысль. Я был безумцем,

когда ухватился за нее. Простить вас? Когда я больше виноват, чѣм вы. Прощайте.

Воронецкій повѣсил трубку и подошел к цвѣтам глубоко взволнованный.

Бѣлыя хризантемы. Символ невинности и чистоты. Теперь они лежали перед ним измятыя, с переломленными стебельками, загрязненныя.

Глядя на цвѣты он понял, что сам своими руками разбил что то хрупкое, дорогое и рѣдкое. Что-то, что нужно беречь и холить. Что-то, что он считал своим счастьем.

Яблоня и яблочко.

Варвара Алексѣевна была женщина неглупая, с хитрецой и ехидства непомѣрнаго. Тонкія безцѣтныя губки ея, сложенныя сердечком таили в себѣ плохо скрытое намѣреніе кого можно задѣть, уколоть, принизить.

Во всей ея особѣ было нѣчто отталкивающее с ея пискливым голосом, с лицом усыпанным неэстетичными веснушками и с короткими обрубками—пальцами пухлыми как у мясника (и не даром в бытность свою дѣвицей—акушерствовала).

Недолюбливали ее за деспотическій, злостно критикующій характер, отшатнулись от нея и оставили в покоѣ. И замкнулась она в свою узко-эгоистичную скорлупу, рабски посвятив себя кастрюлькам, горшочкам, баночкам, столовой, спальной и дѣтской.

Замуж вышла она поздно. Засидѣвшейся старой дѣвой — этак к годам тридцати с хвостиком — за вдовца, человѣка сѣренькаго, ничѣм не замѣчательнаго. Уж так на роду ей было написано. Блюсти себя в своем дѣвствованіи и терпѣливо дожидаться суженаго. А терпѣніем Господь ее не обидѣл. Дождавшись счастья своего желаннаго, бабьяго, Варвара Алексѣевна наградила супруга своего всѣми мужскими доб-

лестями и предалась ему тѣлом и душой, каждым своим помысломъ, каждым вздохом. Растопила себя в его существѣ. Угождала всячески, ублажала как дитя малое

— —

Вставала рано и пока супруг вкусно похрапывал на пуховиках, она носилась из одной комнаты в другую растрепанная, в просторном капотѣ, в туфлях-шлепанцах на босу ногу. Ссорилась с прислугой за неснятую пыль, за плохо выметенную комнату и собственноручно хваталась за щетку, передвигала мебель и водворяла надлежащую чистоту.

Дышала она вся сознанiем важности своего существованiя.

Когда супруг просыпался, готов был для него горячiй завтрак, заботливо и аппетитно приготовленный преданными руками Варвары Алексѣевны. И если он все съѣдал не было для нея лучшей награды. Она снимала с него каждую пылинку, дышала на него, как на ладан, ежедневно отправляя его в контору. По уходѣ его она на кухнѣ с озабоченным лицом рѣшала кулинарные вопросы.

Изо дня в день, с ранняго утра до поздняго вечера — заботы, заботы и заботы.

Не замѣчала Варвара Алексѣевна в бабьей своей довѣрчивости, что добровольно превратилась она в вьючное животное, которым помыкают с безсердечным эгоизмом.

Не было для нея ничего труднаго, невозможнаго, если это касалась дочки ея Олимпiады и супруга. Под дождем вымокнуть до нитки, до поздней ночи просидѣть за штопкой носков и чулок, до боли ломать себѣ голову над составленiем меню, — все это доставляло ей сладкое

сознаніе своей полезности. Наполняло удовлетвореніем исполняемой на землѣ миссіи.

И труды ея не пропадали зря. Купеческія дѣла супруга процвѣтали. Господь его смѣкалкой не обидѣл. Он шел в гору.

Вот и капиталец вырос, словно на дрожжах. А там и домик купили бѣлокаменный. Телефон. Радіо. Словом, модный стал супруг Варвары Алексѣевны. Все у них в домѣ новое завелось. Мебель мягкая, пьянино, портьеры, цвѣты, кушеточки, а на кушеточках подушечек — не перечесть!

Достигали эти подушечки наиболѣе фантастических размѣров вплоть до минимальной величины игольной подушечки. А среди них — всякая мелкота. Вродѣ пудельков мохнатых, кошечек, коломбинок и т. д.

— —

Тон великосвѣткости задавала Олимпіада, к тому времени вполнѣ современная дѣвица. С обмоченными в алой крови губами, с накрахмаленными черным крахмалом рѣсницами, с мастерски нарисованными на крупном розовом лицѣ мушками.

Произошло это сразу. Раз навсегда. Варвара Алексѣевна стушевалась, потеряла всю свою авторитетность, словно впала в безмятежное дѣтство, блаженное своим невѣдѣніем. Это Олимпіада приказала ей остричь волосы (в ея то пятьдесят лѣт), носить шелковыя платья и шелковые чулки наиболѣе дорогого качества, а папашѣ — непремѣнно сбрить длинные усы-висюльки и сшить у первоклассного портного элегатный смокинг.

Не сдѣлать того, что Олимпіада находила модным, современным — было невозможно. Она морщилась, кривилась, пожимала упитанными

плечами и уходила из дому. А это было хуже всего. Родители не знали, гдѣ она пропадает, с кѣм встрѣчается. Боялись одного — не обманул бы ее кто. „Она вѣдь такой наивный, довѣрчивый ребенок". Восхищала их наивность этого ребенка.

А ребенку уже минуло восемнадцать лѣт. Он окончил гимназію, получил аттестат зрѣлости, не пропускал ни одного дансинга, с увлеченіем отплясывал новѣйшія па. Встрѣчался с молодыми людьми в „холостых" комнатах для душевной бесѣды, искал в лѣсу в веселой компаніи незабудок, принимал хинин—и все было честь честью!

„Наивнаго довѣрчиваго ребенка" было очень трудно обмануть.

От родителя своего унаслѣдовала Олимпіада купеческую смѣкалку и отчаянность в любовных предпріятіях. Знала себѣ цѣну. Позволяла гоняться за собой и своим приданным. Высоко цѣнила свои ножки внушительной полноты в дорогих шелковых чулках и ласковую бархатность черных глаз.

— —

Жениха облюбовала она себѣ — лорд!

Монокль. Котелок. Пальто в обтяжку. Бѣлыя перчатки, тросточка, взгляд свысока.

Одно удовольствіе.

В трепет приводил Олимпіаду его хищный рот, волчій оскал зубов и подергивающаяся в разговорѣ лѣвая бровь.

Жених этот был замѣчательный во всѣх отношеніях. И богат, и аристократ, и даровит, и молод, и красив. Чуть ли не весь свѣт объѣздил. Наглядѣлся на красавиц всего міра и лучшей жены чѣм Олимпіада себѣ не нашел.

Олимпіада в торопях схватилась за изученіе англійскаго языка, дабы быть под стать своему будущему мужу. Боже упаси, не заставить его краснѣть за себя.

Во избѣжаніе шаблона жених посовѣтовал Олимпіадѣ держать их обрученіе в секретѣ до поры, до времени. Он должен закончить кой-какія дѣла, дабы послѣ свадьбы быть в состояніи как можно больше времени посвятить своей молодой женѣ...

Он любил свою невѣсту холодной, разсудительной современной любовью. Они не будут жить так, как всѣ. Они, например, так поступят. На другой день послѣ свадьбы они офиціально разведутся, продолжая жить как муж и жена. Будучи совершенно свободными, ни в чем не стѣсняя друг друга.

Олимпіада была в неподдѣльном восторгѣ от современности своего жениха.

Разговоры у них водились такіе:

— Вчера, Оли, я провел время с одной пѣвичкой. Препикантная тебѣ доложу Что за темперамент! Еле живой вырвался. Хотѣла сегодня со мной ужинать, я ей сказал, что занят сегодня моей невѣстой. Пригрозила что придет к разскажет моей невѣстѣ какой я такой жених. Успокоил ее, обѣщая сам тебѣ разсказать гдѣ время провел. Глаза круглые сдѣлала. Не вѣрит.

Олимпіада весело смѣялась.

— Не вѣрит, говоришь? Ха-ха-ха!

И в свою очередь принималась свои похожденія разсказывать:

— ...возвращаемся мы из театра в закрытом такси...

Весело им было вмѣстѣ. Современному жениху и современной невѣстѣ.

Олимпіада в нем души не чаяла. Гордилась его откровенностью, его товарищеским отношеніем, лишенным мѣщанской сантиментальности и платила ему той же монетой.

В глубинѣ души Олимпіада огорчалась, что свадьба все откладывается. Всему міру хотѣлось бы ей показать жениха своего необыкновеннаго.

Но признаться в этом не желала даже самой себѣ. Тѣм временем они все чаще стали устраивать генеральныя репетиціи в отелѣ.

Олимпіада наряжалась в одну из многочисленных пижам жениха и любовалась собой в зеркалѣ, а жених любовался ею.

Пришла она к нему как-то вечером и застала его в креслѣ, погруженным в глубокое раздумье. Сердце ея забило тревогу.

— Что случилось?

Присѣла к нему на колѣни, заглянула в глаза.

— Очень плохо, Оли, прошептал жених, — я болѣн. Мы должны разстаться.

Олимпіада поблѣднѣла.

— Ты увѣрен, что не ошибаешься?

— Увы; Сомнѣнья нѣт...

— У врача был?

— Был. Но они мошенники, я им не вѣрю. Рѣшил сегодня ѣхать к одному спеціалисту в Лондон.

Послѣднія слова жениха поселили в Олимпіадѣ смутное подозрѣніе.

— Как же это... откуда?— растерянно произнесла она впервые за всю свою радужную жизнь столкнувшись с неумолимой дѣйствительностью.

— Ах, это вѣрно та пѣвичка... Помнишь? я тебѣ разсказывал.

— Помню. Но как же ты так неосторожен. Надо было знать с кѣм имѣешь дѣло.

Олимпіада нервно прошлась по комнатѣ. Она не привыкла думать, а тут мысли зародились в головѣ сверлящей болью.

Она сорвала с головы шляпку и с ожесточеніем швырнула ее на кровать.

— О, нѣт. Ради такой ерунды она не откажется от него.—В углу она вдруг замѣтила упакованные чемоданы. Обида кольнула ее.

— Значит, не приди я, он бы уѣхал не попращавшись. Врет вѣрно все. Просто хочет избавиться.

Но взглянув в убитое горем лицо жениха, Олимпіада постыдилась своих мыслей. Горячая волна жалости захлеснула мелкіе разсчеты. Она подошла к нему и нѣжно, стараясь одобрить его, молвила.

— Глупый, ну чего так убиваться. Случичилось — пропало. Вѣчно человѣк не живет. Раньше или позже — выход один. Я тебя не оставлю. Обвѣнчаемся. Будем лѣчиться. А пульку в лоб — всегда успѣем Наша жизнь даже будет благодаря этому остро интересной.

Жених долго, внимательно глядѣл ей в глаза.

— Ты истинный друг, Оли. Большая у тебя душа. но я этой жертвы принять не могу. Не могу губить твоей молодости...

Олимпіада, грустно.

— Вздор. При чем тут жертва — доля это моя. Так или иначе, я не представляю себѣ жизни без тебя.

— А родители твои?

— Жаль их, конечно. Но они ничего знать не будут.

— В таком случаѣ, Оли, вот что: сообщи родителям и кому хочешь, что через недѣлю

наша свадьба. Пусть приготовятся. Наш медовый мѣсяц мы проведем в Лондонѣ.

Жених встряхнулся. Глаза его вспыхнули, затеплилась в них надежда.

— Ты права, Оли, не будем унывать. Хоть день да наш!

Он позвонил кельнера и велѣл подать вина.

Олимпiада улыбнулась.

Хоть на душѣ было смутно, неопредѣленно, хоть впереди был жуткiй мрак холодной ночи. Олимпiада радостно улыбалась своему „необыкновенному" жениху.

Даже был такой уголочек крохотный в ея душѣ, гдѣ загорѣлась благодарность к нему за эту необыкновенность.

— Все таки у нас будет не так, как у всѣх,—вслух произнес жених ея мысль, и довольные собой, они припали друг к другу.

И разрушено было в прах долголѣтнее кропотливое дѣло, созданное Варварой Алексѣевной.

Свелись к нулю всѣ ея заботы, всѣ жертвы, безсонныя ночи, всѣ интересы, которыми она жила и дышала в теченiе многих лѣт.

Стерла их волна циничной современности.

Эта современность отобрала у ней дочь, ея единственное дѣтище вспоенное и вскормленное ею.

Ея радость и цѣль ея жизни. — Сдѣлала их чуждыми непонятными друг другу.

Варвара Алексѣевна чувствовала себя опустошенной.

Она не привыкла жить личными интересами и в мучительном недоумѣнiи задумывалась.

— Что я буду теперь дѣлать?

Супруг все рѣже бывал дома. Все чаще становились его продолжительныя поѣздки и чувствовала Варвара Алексѣевна — ускользает он, еще моложавый и бодрый, из ея рук.

Не было у нея ни друзей, ни знакомых. Впереди была старость. Одиночество. Пустота. Далеко откатилось яблочко от яблони.

Не распознать какого дерева плод.

Браунинг

Костя Битютко горд был чрезвычайно. Он раздобыл великолѣпной марки браунинг·

Мало того.

Раздобыл разрѣшенiе на обладанiе этим браунингом.

Радостью своей он рѣшил прежде всего подѣлиться с товарищами. Не мѣшало бы, правда, с родителями, но родители уж такой народ, что с ним—поосторожнѣй.

Когда часам к восьми отец по обыкновенiю ушел в клуб, а мать отправилась к одной из многочисленных своих знакомых, Костя, чувствуя себя полным хозяином опустѣвшей квартиры, вызвал по телефону трех своих друзей: Павлушу Козлова, Валентина Тихомиров и Семена Василевскаго.

Каждому из них он повторил с одинаковым воодушевленiем одну и ту же фразу.

— Приходи немедленно. Стариков нѣт. Покажу, брат, такое, что тебѣ и во снѣ не снилось.

Плутовато улыбаясь, Костя повѣсил трубку.

Он представлял себѣ заранѣе, как вытянутся от прiятнаго изумленiя лица товарищей и радостно потирал руки.

Товарищи не заставили себя долго ждать и скоро за дверью раздался безцеремонный звонок.

Костя бросился отворять.

Зная, что отец раньше десяти часов не вернется, он спокойно принял своих гостей в кабинетѣ.

Угостил дорогими сигарами в золотом ободкѣ, поговорили о математикѣ, о преподавателях, о заданных уроках и перешли к дѣлу.

— Ну-ка, покажи свою диковинку.

Костя принес.

— Осторожно: заряжен,—предупредил он.

С каким-то вожделѣнiем глядѣли юныя лица на сверкающiй браунинг. Каждый хотѣл его потрогать, подержать.

Да, это была диковинка, это было мечтой каждаго.

— —

Один лишь Валентин Тихоимиров, юноша строгiй и взыскательный к себѣ и другим, не выразил никакого восхищенiя браунингом и не пожелал его ни потрогать, ни подержать. По той простой причинѣ, что сам являлся обладателем такого же браунинга. Чего товарищи не знали, так как гордый, скрытный Валентин Тихомиров не имѣл привычки дѣлиться своими секретами.

Почему Костя Битютко считал его своим другом, этого никто не знал.

Да и не только Костя—каждый считал его своим другом и не знал почему.

Товарищи его уважали и не знали за что. Он никогда не высказывался даже в наиболѣе жарких спорах. Никто не знал ни его взглядов, ни убѣжденiй, одобряет ли он или порицает.

Случалось иногда, что Валентин Тихомиров производил впечатлѣнiе будто хочет высказаться.

В классной комнатѣ мгновенно водворялась тишина. Преподаватель не мог бы похвастаться большим вниманiем.

Но стоило Валнтину увидѣть эти глаза, устремленные на него с жадным любопытством, как у него сразу пропадало желанiе высказаться.

Так товарищи ничего о нем ни знали. безсознательно находясь под обаянiем его гордой, скрытной, самостоятельной натуры.

——

Костя Битютко чувствовал себя глубоко задѣтым равнодушiем Валентина.

Он вдруг возненавидѣл его в одну минуту. Недобрыми глазами окидывал он его стройную фигуру.

Хоть Валентин держал себя непринужденно как всегда, безмятежно затягиваясь сигарой и разглядывая висѣвшiя по стѣнам картины, Костя сейчас разглядѣл в этой непринужденности пропасть высокомѣрiя.

— И дѣвченки за ним как бѣгают, а он от них, как от мух отмахивается, — подумал он и почувствовал приступ бѣшеной зависти.

Безотчетным жестом он отобрал у Василевскаго браунинг. С той минуты, как браунинг очучился у него в рукѣ, он повеселѣл.

Окинув побѣдоносным взглядом надменно сверкнувших черных глаз своих друзей и произнес:

— Что же вы меня не спрашиваете, как я его раздобыл?

— И спрашивать нечего, — отозвался Валентин, — дѣло извѣстное. Взял у папахена денег и купил.

Костя презрительно усмѣхнулся.

— Как же! Так бы он и дал...

— В таком случаѣ разсказывай.

Прiятели усѣлись в кожаныя кресла за письменным столом и приняв удобную позицiю приготовились слушать.

Валентин Тихимиров расположился напротив Костя и, просматривая лежавшую на столѣ газету, одновременно прислушивался к разсказу.

——

Кости не торопясь разсказывал.

— Это длинная исторія, но она тѣсно связана с браунингом и потому я вам ее передам. Дѣло было так.

К отцу моему часто приходит один господин сѣдоватый, но очень интересный. Разговорчивый, симпатичный. В карты страсть как любит дуться. А я, знаете, по этой части игрок.

Пришел он как то, а отца дома нѣт. Собирается уходить. Мнѣ жаль его. Он такой разразстроенный.

— Куда вы, Афанасій Иванович, — говорю, — отец скоро придет. Посидите со мной, напьемся чаю и в карты поиграем.

Он сразу согласился. В карты играл разсѣянно и проигрывал раз за разом. Видно было, что он сильно взволнован. Мнѣ стало как то не по себѣ. Чего я буду дурака валять. Бросаю карты.

— Не будем больше играть, Афанасій Иванович. Я чувствую — у вас какое-то горе. Я был бы счастлив помочь вам, если это в моих силах.

Руки у него задрожали, потерял пенснэ и на секунду словно застыл весь. Но скоро оправился, с чувством пожал мнѣ руку и сказал:

— Благодарю вас, мой юный друг. Горя у меня особеннаго нѣт никакого, но есть то, что люди называют совѣстью.

Вот я смотрю на вас и думаю, что моему сыну было бы теперь семнадцать лѣт, как и вам, что он скрасил бы мое одиночество. Но уже семь лѣт, как я его потерял.

— У вас был сын! — воскликнул я с упре-

ком. — Почему вы никогда ничего о нем не говорили. Он умер?

Афанасій Иванович тяжело вздохнул.

— Не знаю, может и жив. Я его искал, но безуспѣшно.

Когда умерла его мать, я женился вторично. Он возненавидѣл мачеху и сбѣжал из дому. Ему было тогда десять лѣт. Поиски не дали никаких результатов. Время бѣжало. Я свыкся с мыслью, что у меня нѣт сына. Со своей женой я на третій год развелся. Это была легкомысленная испорченная женщина. Жизнь перестала для меня быть источником наслажденій. Я понял, как мало усилій приложил в свое время, дабы отыскать сына. Проснулась совѣсть и как червь точит меня. Мой дорогой мальчик, — прошептал он и закрыл лицо руками.

Я видѣл, как по его лицу катились крупныя слезы.

В этом мѣстѣ разсказа глаза Кости стали влажными Он помолчал немного и, машинально играя браунингом, продолжал:

— Я стал бывать у него. Бывал тѣм охотнѣй, что видѣл, сколько радости доставляли ему мои посѣщенія.

Я ему разсказывал всевозможныя мелочи из гимназической жизни, о наших продѣлках, о преподавателях, о своих планах. Все его живо интересовало.

Однажды он меня спросил, хотѣл ли бы я имѣть браунинг. Я отвѣтил, что это было с дѣтских лѣт моей мечтой.

— Так вот, примите это от меня на память. Он совершенно новый, хоть и лежит у меня давно.

С этими словами Афанасій Иванович передал мнѣ браунинг и грустно добавил:

— Его держал когда-то в своих слабых ручках мой сын.

———

— Покажи его, Костя, — произнес чей-то взволнованный хриплый голос.

Всѣ с удивленіем взглянули на Тихомирова и не узнали его.

Перед ними было чужое лицо. Растерянное, вздрагивающее.

— Скажи, как фамилія этого... господина? —трепетали побѣлѣвшія губы Валентина.

Костя встал и полный недоумѣнія протянул ему браунинг.

— Фамилія этого господина, — произнес он, — Тих...

Грянул оглушительный выстрѣл.

Кто то вскрикнул и этот крик слился с тремя криками, полныни ужаса. Кабинет наполнился дымом.

Все послѣдующее разыгралось с невѣроятной быстротой.

Когда Костя впослѣдствіи вспоминал все происшедшее, ему казалось, что в тот момент, когда он поднялся и хотѣл передать Валентину браунинг, дверь распахнулась и в кабинет ворвалась какая то дикая невидимая сила и толкнула курок.

Костя хорошо помнил, что это не он его нажал. И несчастной случайностью этого тоже нельзя было назвать.

Выстрѣл раздался непроизвольно.

В первую минуту всѣ думали, что Валентин Тихомиров убит окаменѣли от ужаса.

Но когда дым разсѣялся, Валентин поднялся и силясь улыбнуться прошептал:

— Ничего, пустяки. Как фамилія этого...

Он сразу ослабѣл и покачнулся. Из кисти

руки неторопливой струйкой сочилась кровь и у ног юноши уже образовалась цѣлая лужа, когда товарищи опомнились, бросились к нему, подхватили под руки. Накинули на него пальто. Костя догадался обмотать ему руку мокрым поло тенцем.

Валентин превратился в вещь, в автомат и с какой-то трогательной довѣрчивостью покорился воли товарищей.

И трое юношей всѣм существом своим ощущали эту довѣрчивость. Сознаніе, что жизнь товарища находится в их руках, дѣлает и за нее отвѣтственными, заставляло быстро и сообразительно работать их мозг.

— На углу аптека, — отрывисто бросил сильно взволнованный Семен Василевскій и всѣ сразу согласились, что, дѣйствительно, аптека должна быть их первым этапом.

Валентину пришлось перенести дикую боль. Рука была залита іодом. Аптекарь наложил на нее бандаж и посовѣтовал.

— Теперь немедленно в госпиталь. Пулю надо извлечь.

По дорогѣ в госпиталь никто словом не обмолвился.

Жуткое молчаніе, сковывавшее им уста, нарушалось нервным поторапливаніем возницы, который и без того гнал во весь опор.

Каждый думал.

— Не держи Валентин в руках газеты, пуля угодила бы прямо в сердце и он был бы убит.

Мысль эта леденила им кровь.

Тихомиров находился в полубезчувственном состояніи. Но не от боли. Он ее почти не ощущал. И не от потери крови.

... Но этот Битютко, какой он милый и

этот господин, тоскующій по сынѣ — какой смѣшной.

Как хорошо летѣт так в воздухѣ с закрытыми глазами, поддерживаемый теплыми крѣпкими руками...

Костя с отчаяніем глядѣл в покрытое смертельной блѣдностью лицо Валентина и терзала его мысль, тупой болью сверлила мозг.

— Неужели это я в него стрѣлял? Я?

— —

Четверть часа спустя Валентин очнулся в операціонном креслѣ. Зѣвнул. Увидѣл руку свою на перевязи увидѣл доктора в бѣлом халатѣ.

— Ну как себя чувствуете, молодой человѣк?

— Отлично, доктор. Я могу уже итти?

— Конечно. Товарищи в пріемной безпокоятся за вас. Может их успокоить Рана пустяковая. Недѣльку придется приходить на перевязку и заживет. Пулю хотите на память?

Валентин оживился.

— О да, доктор. Это будет для меня самым дорогим жизненным сувениром. Это пуля из браунинга моего отца. Мы неосторожно его разглядывали и вот...

Тихомиров с товарищами вышел на улицу и жадно втянул в себя свѣжій морозный воздух.

— А теперь, Костя, скажи мнѣ, наконец, как фамилія этого господина, что тебѣ брауниг подарил.

— Тихомиров.

Глаза Валентина вспыхнули огнем безумной радости.

— Мой... однофамилец. Веди меня к нему. Хочу его посмотрѣть. Сейчас же.

Товарищи испуганно взглянули на него и тревожно переглянулись между собой.

Взгляд их говорил.

— Бредит. Лихорадка.

Костя мягко старался его отговорить.

— Уже поздно. Завтра пойдем.

Но Валентин заупрямился и дѣлать было нечего. Хоть это и было очевидной нелѣпостью вести непрошеннаго гостя в одинадцать часов вечера к человѣку, который если не спит, то во всяком случаѣ уже готовится ко сну, но Костя, не желая раздражать Валентина, перед которым чувствовал себя глубоко виноватым, покорился этому странному капризу.

——

Звонить долго не пришлось. Узнав Костю, горничная впустила всю компанію. Взгляд ея с участіем задержался на забинтованной рукѣ Валентина.

— Я предупрежу Афанасія Ивановича, — сказал Костя. Тихомиров кивком головы изъянил свое согласіе.

За дверью, которую Костя тяжело захлопнул, в ту же секунду раздался тревожный возглас:

— Что случилось, голубчик?

— Ничего не случилось, Афанасій Иванович, то есть случилось. Простите, что так поздно. но только на одну минуту. Я тут с товарищами. Они ждут. Знаете, что случилось. Этот браунинг, он выстрѣлил... Костя Битютко волнуясь и спѣша разсказывал все по порядку вплоть до того момента, что пострадавшій дожидается в передней и желает видѣть своего однофамильца.

— Кто он такой?

— Мой школьный товарищ, Валентин Тихомиров.

— Валентин Тихомиров? Но вѣдь...

Дверь распахнулась. На порогѣ выросла фигура мужчины в длинном халатѣ.

Валентин нерѣшительно сдѣлал шаг вперед.

— Валя. дитя мое, это ты!..

— Папа!

Растерянный дѣтскія возглас. Всхлипыванье. Поцѣлуи.

Отец подхватил своѐго сына, бывшаго одного роста с ним на руки и унес его в комнаты.

Дверь захлопнулась.

Василевскій и Козлов изумленно глядѣли друг на друга.

Горничная плакала и сморкалась в фартук.

— Господи, вот счастье барину моему привалило. А уж он, бѣдный...

Вышел Костя. Серьезный, строгій, словно выросшій весь. В низко надвинутой на глаза фуражкѣ.

— Пойдемте. Не надо им теперь мѣшать. Им есть о чем поговорить. А мы свой долг исполнили.

Маска в шароварах

Слабым умирающим голосом жена молвила:

— На маскарад пойдешь один. Веселись. Конец карнавала. Только поздно не возвращайся.

Ротмистр Иваницкій не был злым человѣком. Видя искаженнее зубной болью лицо жены, он чувствовал, как глаза его становятся влажными. Как всѣ предметы начинают прыгать перед ним, уменьшаться, сокращаться застилаемые слезным туманом.

Трудно было, конечно, предвидѣть, что в самый день маскарада у ней так разболятся зубы.

До безумія. До бѣлой горячки.

Что зубная боль может быть настолько сильна, что заставит жену отказаться от маскарада, о котором столько говорили, к которому готовились и заранѣе припасли билеты.

И то, что в другое время явилось бы семейной драмой—в этот вечер рѣшалоеь само собой. Просто. Естественно.

В самом дѣлѣ — не пропадать же билетам.

Для очистки совѣсти Иваницкій произнес:

— Не думай, дорогая, что мнѣ уж так хочется итти.

Но жена не обратила вниманія на его слова. Словно не слышала их.

Еще хотѣлось ему сказать, как он глубоко цѣнит ся великодушіе, как признателен за то, что вошла в его положеніе и разрѣшила ему повеселиться и что домой он вернется совсѣм рано.

Но неловкость какая-то внутренняя сковала ему язык. Он ничего не сказал и ушел в спальню переодѣваться.

— —

И прыгало же в нем сердце. И прыгали же мысли. Одна веселѣй другой...

Военный мундир он скинул и переодѣлся в длинное черное монашеское одѣяніе.

Как это весело итти на маскарад одному с такой молодой душой.

Молодой? Юной! Младенческой ..

Развѣ это мужчина крутился перед зеркалом?

Мальчишка. Школьник.

Строил себѣ рожи. Подмигивал. Кланялся. Посылал воздушные поцѣлуи.

Из уваженія к женѣ и к спящим дѣтям он поборол в себѣ желаніе громко запѣть.

И хорошо сдѣлал.

Чуяло вѣщее женино сердце, что творится в его легкомысленной головѣ.

Не раз готово было сорваться у ней с языка.

— Послушай, это же не имѣет никакого смысла, если ты пойдешь один. Что люди скажут?

Горько каялась она в своих словах. Но слово не воробей — выскочит, не поймаешь. И к тому же самолюбіе не позволило ей взять своих слов обратно.

Сложилось так, что ротмистр Иваницкій ушел веселиться с разрѣшенія жены.

— —

— Масочка. прелестная, как тебя звать?

Маска сверкает жемчугом зубов.

— Ох, длинное мое имя...

— Тѣм лучше, говори.

— Фифи-Лили-Пипи-Нана...

Иваницкій хохочет.

— Филиппина? Врешь, Масочка. Ну, да ладно. Мы вѣдь на маскарадѣ. Ты прелестна, но зачѣм эти длинные шаровары? Не видно ножек. Ты вся сіяешь и переливаешься как чудное видѣніе. Глазки твои—это кусочек неба ночного, звѣзднаго...

Из залы донеслись призывные звуки оркестра. Маска тянет его к этим звукам.

— Идем танцвать.

Иваницкій в ударѣ. Он говорит без умолку. Черные глаза его в быстром темпѣ танца горят вдохновеніем.

— Масочка, говори, чего хочешь. Все для тебя сдѣлаю.

Маска скромно.

— Угости ужином.

— Угощу. Да еще каким. А что я получу взамѣн?

Маска соображает.

— Покажу колѣнки?

— Хо-хо-хо! Пусть будут колѣнки. Но маску непремѣнно сними. Сейчас.

— Нѣт, не сейчас. Послѣ ужина. Не волнуйся, ты меня не знаешь и я тебя не знаю. Я здѣсь никого не знаю. Всего двѣ недѣли как пріѣхала сюда. И правду сказать—скучный город Ходят всѣ облѣзлые, слинявшіе. безжизненные. Вот ты один мнѣ нравишься. И знаешь почему?

— Почему?

— Потому что ты—веселый! Хоть и монахом нарядался. Ты только подошел ко мнѣ, ничего еще не сказал, а мнѣ уже было весело, По-

тому что эта веселость в тебѣ самом сидит. Хочешь, я тебѣ угадаю твой характер?

— Ну?

— Ты добрый, легкомысленный, вѣтренный и... шалун?

— Да, да. Ты угадала. И шалун. А для тебя, масочка, скажу одно—ты прелестна. Пойдем ужинать.

Иваницкій много пил. Маска отказывалась. Глаза ея с грустью слѣдили за ним. Она удержала его руку с бокалом.

— Зачѣм ты пьешь так много? Не пей больше...

Иваницкій с недоумѣніем взглянул на нее.

— А тебѣ что за дѣло? Будь спокойна — тебѣ не придется за меня платить. А теперь, масочка. уговор дороже денег—покажи колѣнки.

Не взирая на то, что становится центром вниманія, маска загнула зеленыя шелковыя шаровары, обнажив стройныя розовыя ноги. При этом она пристально глядѣла ротмистру в глаза, желая прочесть в них малѣйшее движеніе души.

Напрасно...

Ротмистр пожелал лишь убѣдиться в том, не обманывает ли его маска. Дѣйствительно ли это голыя ноги, а не розовое трико и коснулся их рукой.

Маска не обманывала.

Ужин был закончен. Маска встала.

Иваницкій удержал ее.

— Куда же ты?

— Сейчас вернусь. Иду снять маску. Но перед тѣм, для того, чтобы мнѣ все было ясно, скажи мнѣ, пожалуйста, только правду—счастлив ли ты в теперешней своей жизни. Любишь ли своих дѣтей, хорошая ли у тебя жена?

Не шуми у ротмистра в головѣ выпитое

вино, он призадумался бы над странностью и неумѣстностью этих вопросов на маскарадѣ, но в настоящую минуту он был взволнован тѣм, что маска собиралась отойти от него, хотя только за тѣм. чтобы снять маску и, желая ее задобрить, чтобы она поскорѣе вернулась, он произнес с мальчишеской хвастливостью.

— Хорошая ли у меня жена? Так должен тебѣ сказать, что это не жена, а просто клад. Молодая, красивая, любящая и заботливая, как мать. Сама послала меня на маскарад повеселиться и осталась одна дома. А дѣтишек своих обожаю. Обѣ дѣвочки-красавицы. Одна похожа на меня, другая на жену. Онѣ уже спали, когда я уходил. но все же я их спящих поцѣловал...

— Вот как! Ты я вижу вполнѣ счастливый человѣк, произнесла маска угасшим голосом — очень пріятно имѣть дѣло с таким человѣком. Ну, обожди, я скоро вернусь.

— Не уходи, маска, останься. Я сам помогу тебѣ снять маску,

Маска усмѣхнулась Печальной была эта улыбка.

— Как ты не понимаешь—я должна привести себя в порядок. Перед таким счастливым человѣком хочется быть особенно красивой.

Маска скрылась.

И не вернулась больше. Иваницкій впал в бѣшенство. Так обмануть, так обмануть. Как мальчишку!

Он искал ее всюду, разспрашивал всѣх и каждаго о маскѣ в шароварах.

— Как одѣта? — освѣдомлялись.

— В серебристой парчевой чалмѣ, такой же лиф и зеленые шаровары. Узкая черная маска.

— Такая высокая, стройная, очаровательная?

— Да, да, она самая. Гдѣ она?

— Не знаю. Видал ее недавно. Давайте вмѣстѣ искать. Кто она?

Глупый вопрое. Развѣ он знает, кто она? Гдѣ живет? Как ее искать? Как он ее узнает?

По колѣнкам? Ха-ха-ха! Мало ли таких колѣнок.

Настроеніе его было испорчено.

Он рано вернулся домой. К великой радости жены.

На вопрос ея.

— Ну как, милый, веселился?

Ротмистр Иваницкій с сердцем переполненным горечью, отвѣтил.

— Кончено у меня с маскарадами! Никогда больше не пойду. Кто их выдумал? Говоришь— и не знаешь с кѣм. Словно с духами. Эх, и любят же люди сами себя обманывать. А как твои зубы, дорогая? Я все время думал о тебѣ.

Жена растроганно:

— Болят все...

— Бѣдная ты моя!

Раздѣваясь, ротмистр не перестовал ломать себѣ головы:

— Кто она такая эта маска в шароварах?

——

— Неужели он меня совершенно не узнал? — удивлялась хорошенькая блондинка укладываясь ко сну. — Как же теперь быть? Так и оставить его в невѣденіи? Нѣт, нѣт. Надо что-нибудь предпринять. Эх, Казик, Казик! Каким ты был легкомысленным, таким и остался. А жена у тебя добрая—предобрая. Ах, и дура же она. Вѣрит тебѣ! Вот смѣшная. Но и удобная. Не то, что я. Я тебя ревновала, скандалы закатывала, но и любила тебя, Казик. Ох, любила. И теперь

люблю, глупый Казик. А ты? Ты даже голоса моего не узнал. Пять лѣт послѣ развода. Это не так много. Но я рада, что с тобой развелась. По крайней мѣрѣ столько не страдаю. И сейчас мнѣ почти весело. Ты готов был обмануть свою вторую жену с первой. Добрую со злой. Ха-ха ха! Мы это сдѣлаем, Казик. Спокойной ночи.

Блондинка уснула с улыбкой на устах.

— —

На слѣдующій день в кабинетѣ ротмистра Иваницкаго прозвучал телефонный звонок. Было семь часов вечера. Ротмистр лѣниво просматривал газету и так же лѣниво снял трубку.

— Hallo!—вяло произнес он—кто говорит?

В отвѣт раздался звучный женскій голос.

— Фифи Лили-Пипи-Нана...

Маска в шароварах! Это ты!—дрогнул радостью голос ротмистра и лицо его вспыхнуло румянцем.

— Это я. Как вы себя чувствуете?

— Отвратительно. Зачѣм вы меня обманули? Я умираю от любопытства. Гдѣ я могу вас видѣть?

— Сегодня ночью я уѣзжаю, но вечер можем провести вмѣстѣ. Приходите в гостинницу "Бристоль" комната 46.

— Отлично. Через пятнадцать минут буду.

— —

Когда Иваницкій вошел в указанный ему номер гостинницы, он почувствовал, как сердце в нем восхищенно замерло. Перед ним стояла вчерашняя незнакомка в том же нарядѣ, сверкающая, ослѣпительная. С обольстительной улыбкой она пошла к нему навстрѣчу и протянула обѣ руки.

— Что это? Продолженіе вчерашняго маскарада или начало новаго? — весело спросил Иваницкій, цѣлуя ея руки.

Маска разсмѣялась.

— Это продолженіе вчерашняго. Мы вѣдь уже немножечко знакомы. Раздѣвайтесь, садитесь. Выпьем за нашу встрѣчу, уже послѣднюю. Скажите, очень вы на меня вчера злились? Как провели время! Скоро ли утѣшились?

— О, я был безутѣшен. Маскарад перестал меня интересовать и я вернулся домой.

— Неужели! Развѣ мало масок было на маскарадѣ. Вас просто потянуло домой, к женѣ. Неправда ли?

Ротмистр пожал плечами.

— Потянуло к женѣ, с которой живу уже пять лѣт, которая вѣчно торчит перед моими глазами, которую имѣю когда хочу или просто от скуки? Как вы наивны! Меня смѣшит одно лишь это предположеніе.

И, дѣйствительно, Иваницкій искренно и сердечно засмѣялся.

— Но вѣдь женились то вы по любви?

— А то какже. Даже ради нея развелся со своей первой женой, но все это увлеченіе скоро прошло. Очень уж она добрая.

— А первая какова была? — с любопытством спросила маска. — Старая, молодая, некрасивая?

— Какое там! Молоденькая, красавица. Я ее обожал, но она была злая-презлая. Вѣчно меня ревновала, скандалила, швыряла тарелками, стаканами, всѣм, что попадало ей под руку.

— И всегда ревновала без причины??

Иваницкій самодовольно усмѣхнулся.

— Ну, не всегда.

— Так какая жена лучше: добрая или злая?

— Сам не знаю. Но удобнѣе и спокойнѣе

то уж во всяком случаѣ добрая. Кстати — вы замужем?

— О, нѣт, этой глупости я больше не сдѣлаю. Теперь я свободная женщина.

— Были, значит, замужем?

— Да, была, а потом развелась.

— А вы своего мужа любили!

— Любила. И сейчас люблю.

— А он?

— А он меня совершенно забыл.

— Как можно забыть такую очаровательную женщину?

Маска весело расхохоталась.

— Я убѣдилась, что это возможно. Долгое время я была так глупа, что сомнѣвалась в этом и мечтала о том, что мы встрѣтимся и опять сойдемся. Но случайная встрѣча убѣдила меня в тщетности подобнаго предположенія и я протрезвѣла.

Помимо воли в голосѣ маски прозвучали грустныя нотки.

— Не думайте о нем, он не достоин вас! Горячо сказал Иваницкій и, желая ее утѣшить, поцѣловал ей руку.

— Вы правы, — меланхолично улыбнулась маска, — ни один мужчина не достоин любви женщины. Это правда, но правда и то, что без любви жизнь не представляет никакого интереса. Что же нам дѣлать? Остается только одно: научиться сухой выходить из воды.

— И что же, научились вы этому? — с легкой ироніей спросил Иваницкій.

Маска только руками развела.

— Стараюсь этому научиться.. Но хватит разговоров о нашем прошлом, поговорим о настоящем.

Присаживайтесь, я вас чаем напою.

———

На небольшом овальном столикѣ, прикрытом вышитой салфеткой, разставлены были печенья, фрукты, виноград двѣ рюмочки и в небольшой тонкой бутылочкѣ коньяк.

Молодая женщина позвонила и приказала вошедшей горничной подать чай.

Горничная с изумленіем взглянула на ея наряд, на маску и поспѣшно ретировалась.

Иваницкій налил в рюмочки коньяк и протянул одну из них подошедшей маскѣ.

— Выпьем за нашу встрѣчу.

— Охотно,—чокнулась с ним блондинка в парчевой чалмѣ и на губах ея зазмѣилась лукавая усмѣшка,—за нашу послѣднюю встрѣчу.

— Не говори так, маска, это волнует, — склонился над нею Иваницкій.

Блондинка быстро отодвинулась.

— Для того чтобы вас успокоить, предлагаю яблоко, — и на тарелочкѣ она протянула ему зрѣлый американскій плод.

— Не искушай меня, маска, яблоком, — усмѣхнулся Иваницкій — я и так весь в твоей власти.

Он принял тарелочку и поставил ее на стол.

— Когда ты закончишь этот ненужный маскарад и снимешь маску,—нервно спросил он, —или я сам должен это сдѣлать?

Иваницкій пробовал привлечь к себѣ маску, но она со смѣхом отбѣжала на середину комнаты. Скрестила на груди руки и вызывающе взглянула на него.

— По нѣкоторым соображеніям я не хочу снять маски. Если вам это не нравится—прошу, и кивком головы она указала на дверь, — можете уйти. Меня лично забавляет эта игра, игра в маскѣ. Если я ее сниму — мнѣ нечего вам

будет сказать кромѣ одного слова: прощайте. Поняли? Итак выбирайте...

— Я остаюсь...

Ротмистр Иваницкій опустился в мягкое кресло и закурил. Он был заинтригован до послѣдней степени. Причина, по которой незнакомка не желала снять маски, начинала его волновать. Что-то смутно-отдаленное, расплывчато-неясное вставало в памяти. Звуки, давно отзвучавшіе, неуловимые. И вмѣстѣ с тѣм он готов был голову дать на отсѣченіе, что видит эту женщину впервые. Она была безспорно красива. Тонкая шелковая маска едва прикрывала половину лица. Жесты, движенья ея были гибки, эластичны.

— Танцовщица? Артистка, когда то гдѣ-то видѣнная? Знакомая? Бывшая любовоица? Нѣт, тысячу раз нѣт! Каприз незнакомки? Нѣт это не каприз. В ея твердых безапелляціонных словах была воля женщины, которая знает, чего хочет. Он рѣшил выжидать.

Маска глядѣла на него с тонкой усмѣшкой. Она прекрасно понимала его мысли. Как ей хотѣлось, чтоб он ее узнал, угадал. Это означало бы, что хоть крохотная ея частица задержалась в его памяти. Она безцѣльно крутилась по комнатѣ, подходила к зеркалу, поправляла чалму, завитки волос, отворяла чемоданы, что-то в них провѣряла, хотя знала заранѣе, что все в порядкѣ, рылась в дорожном несесерѣ, — все для того, чтобы дать ему возможность как нибудь ее припомнить. Но во взглядѣ его она читала, что все напрасно. Он смотрѣл на нее, как на чужую.

— Ну и что же, подошла она к нему, — кто же я по вашему?

— Очаровательная женщина,—без заминки отвѣтил он.

— Удобный, но ничего не говорящій отвѣт, —с милой обиженной гримаской блондинка укоризненно покачала головой. — Я вам никого не припоминаю?

— Нѣт... Почему вы спрашиваете?

— Потому что мужчины по большей части говорят мнѣ, что я им кого-то припоминаю.

— Я этого сказать не могу.

— Тѣм лучше.

В дверь постучали. Вошла горничная с чаем.

— Принесите счет. Сегодня в одиннадцать часов я уѣзжаю, обратилась к ней маска и когда горничная оставив на столѣ стаканы была уже в дверях, она нетерпѣливо добавила, — только скорѣе!

— Сію минуту, сударыня.

Иваницкій украдкой взглянул на часы. Было четверть девятаго.

— Мы могли бы сойти поужинать, неувѣренно предложил он.

— Я поужинаю в вагонѣ-ресторан, а вас вѣрно жена дожидается с ужином.

— Куда ты ѣдешь, маска?

— Не все ли вам равно? Кстати, почему вы говорите мнѣ „ты"?

— Развѣ с маской говорят иначе?

Он грубо и с силой притянул ее к себѣ на колѣни и поцѣловал.

— Развѣ с маской поступают иначе? Ты вѣдь маски снять не желаешь. Я и не прошу. Мнѣ достаточно того, что вижу. О, вполнѣ достаточно. Ну ка, покажи мнѣ еще раз твои ножки. Не хочешь? На маскарадѣ ты была сговорчивѣй. Ах, правда, я угостил тебя ужином, а сейчас...

— Сейчас войдет горничная,—вскочила маска заслышав осторожный стук в дверь. Она захва-

тила с зеркала сумочку и подойдя к двери отворила ее. Горничная вошла без счета.

— Гдѣ же счет? — раздраженно спросила маска, — я вас просила поскорѣе принести его.

— Сударыня, ваш счет оплачен.

Маска ушам своим не вѣрила.

— Что такое? Оплачен? Когда? Кѣм?—изумленно отступила она.

— Час тому назад этим господином, — горничиая кивком головы указала на Иваницкаго, равнодушно выпускавшаго струйки дыма.

— Вот как! Ну хорошо, ступайте.

Горничная ушла.

— Зачѣм вы это сдѣлами? Кто вас просил?

Иваницкій в недоумѣніи пожал плечами.

— Ерунда, мелочь. Поди сюда, малютка.

Маска в шароварах вся дрожала от гнѣва и возмущенія.

— Офицеришка дряной! Как ты смѣл за мени платить! Что ты себѣ думаешь? Что я тебя за этим звала? На, вот—получай твой мелочь,— она с силой швырнула в него свою сумку, которая не долетѣв по назначенію шлепнулась на пол.

От неожиданности ротмистр уронил папиросу и округлившимися глазами глядѣл на маску. А та не унималась. Она впрыгнула на кровать и стала закидывать его подушками.

— —

Ротмистр вскочил и одним прыжком очутился подлѣ кровати.

— Марія, это ты! Лишь теперь я тебя узнал, —бурно воскликнул он, восхищенный своим открытіем.

Маска так и застыла на мѣстѣ. Руки ея безпомощно опустились, воинственный пыл улетучился, она улыбнулась смущенно и растерянно.

— Марія, это же чудесно. Что за встрѣча! Послѣ стольких лѣт. Как я счастлив тебя видѣть, прелесть ты моя!

Он сорвал с нея маску и чалму и схватив Марію на руки закружился по комнатѣ, покрывая ея лицо поцѣлуями.

— Так ты рад меня видѣть, Казик?

— Не спрашивай! Я с ума схожу от радости и неожиданности. Марылька ты моя, я опять в тебя влюблен. Как ты измѣнилась, как похорошѣла за эти годы. Ты стала „настоящей женщиной. Ловкой, хитрой искусительницей. Теперь уж я тебя не отпущу и никуда ты не поѣдешь.

Но „настоящая" женщина знала также, что как быстро разгоралось в нем чувство, так быстро и сгорало. В этом было ея преимущество. Пусть уж он лучше остается со своей доброй женой и дѣтками, которых так любит. Для его же блага.

— Как ты мог так совершенно меня забыть, Казик? Это было так больно и обидно.

— Я и сам не понимаю. Словно затменіе какое-то на меня напало, но как только ты запустила в меня сумкой—я точно очнулся· Этот жест мнѣ все припомнил.

Оба разсмѣялись.

Годы разлуки уплыли куда-то. Им стало казаться, что они никогда и не разставались. Перебивая друг друга. они вспоминали прошлое, свои привычки, споры, ссоры то и дѣло прерывая воспоминанія громким беззаботным хохотом и продолжительными поцѣлуями.

Голоса их становились все тише, замирали, пока не упали до шопота. Кто-то повернул выключатель, ласкающая мягкая полутьма охватила их. От уличнаго фонаря в окна падал свѣт сквозь кружевныя занавѣси и причудливыми фантастическими узорами ложился на полу. Узоры эти

держались довольно долго и устойчиво, затѣм стали колебаться, расплываться, исчезать...

Фонарь погас. В номер гостинницы вяло вползло позднее зимнее утро.

Ротмистр проснулся, зѣвнул, потянулся.

— Марысь, моя сладкая конфеточка,—произнес он лѣнивым заспанным голосом и пошарил рукой подлѣ себя. Рука его нащупла пустое пространство. Он открыл глаза, приподнялся на локтѣ и с безграничным изумленіем оглядѣлся кругом. Комната была пуста. Не было ни маски в шароварах, ни ея чемоданов, не было ничего, что бы напоминало о ней.

— Уѣхала? Не может быть!

Он вскочил с постели, торопливо одѣлся и сбѣжал вниз. У швейцара он узнал, что его Марія дѣйствительно уѣхала как хотѣла без четверти одиннадцать и теперь уже находится далеко-далеко от него недосягаемая, смѣлая, настоящая женщина. И он не знает, гдѣ она, с кѣм она, что дѣлала всѣ эти годы, зачѣм пріѣзжала и если любила его — почему не осталась тут с ним.

Он выше лна улицу разстроенный, прибитый. Дома встрѣтила его жена блѣдная, заплаканная.

— Побойся Бога, гдѣ ты пропадал? — накинулась она на него. — Ушел, ничего не сказал, я не знала, гдѣ тебя искать. Кто так поступает? Сердца в тебѣ нѣт!

Иваницкій взглянул на свою жену, закутанную в ватный капот, растрепанную, с опухшей от флюса щекой и перед глазами его промелькнул сверкающій силуэт маски. Отчаянье овладѣло его душой. Хотѣлось ему подойти к стѣнѣ и колотитьоя о нее головой.

— Из за такой провинціальной гусыни разводиться с такой очаровательной, полной жизни

и темперамента женщиной, какой была моя Марія! Для этого надо было быть полнѣйшим идіотом.

— Оставь меня в покоѣ! — рѣзко сказал он и, оттулкнув цѣплявшихся за него дѣтишек, ушел к себѣ в кабинет.

Дѣти громко заплакали, а жена блѣдная, остолбенѣлая долго и безсмысленно глядѣла на закрытую дверь.

С того дня мирная налаженная жизнь в домѣ Иваницких пошла на смарку.

Вѣрочка

Николай Дубов читал газету. Собственно говоря не читал, (он давно ее прочел), а держал перед своими глазами, пряча в ней лицо. Потому, что если бы он ее отложил, он бы не знал, что с собой дѣлать: встать или продолжать сидѣть, куда дѣть свои глаза, куда спрятать свои руки.

Такое бывало у него настроенiе всегда, когда он чувствовал, что Вѣрочка злится неизвѣстно чего, что все в ней кипит и бурлит и что того и гляди на его безвинную голову обрушится град колючих упреков и дѣтски безсмысленных жалоб.

И все это без всякой видимой причины благодаря чему он чувствовал себя еще глупѣе и совершенно безпомощным.

Когда Вѣрочка злится и причина ему извѣстна, — он всегда сумѣет найти к ней тропинку, успокоит ее, утѣшит, купит что-нибудь и—гармонiя их семейной жизни возстановлена.

Опять Вѣрочка носится по комнатам беззаботная, заливаясь смѣхом, играет в прятки с трехлѣтним Вовкой.

Но когда Вѣрочка взбирается с ногами на

диван и сидит часами цѣлыми неподвижно, не произнося ни с кѣм слова, с холодным застывшим лицом, сердито сдвинув тонкія дуги черных бровей и устремив глаза в одну точку, ничего не видя, ничего не слыша, вся ушедши в иной, чуждый и враждебный ему мір—жизнь не мила тогда Николаю Дубову.

И если бы земля разверзлась в такія минуты под его ногами, он охотно и без звука протеста провалился бы туда.

Потому что не видѣть улыбки на лицѣ Вѣрочки, ощущать ея враждебность. ревновать ее к ея мыслям--о! Он начинал тогда кое-что понимать о предстоящих ему на том свѣтѣ муках ада. Это было маленькой подготовительной репетиціей к тому.

— О чем Вѣрочка думала в такія минуты?

Гм... Ему ли этого не знать. Ему, вот уже четыре года не разлучавшемуся с ней ни на один день! Ему, в обществѣ котораго Вѣрочка неизмѣнно находилась, не имѣя и не ища знакомых. Увы! Ему отлично извѣстны ея мысли.

Вѣрочка честолюбива и как всѣ женщины хотѣла бы быть всюду и вездѣ на первом планѣ, а так как на таковой вознести ее могло бы лишь богатство, огромное, сказочное,—мудрено ли, что она о нем мечтает?

И можно ли ее за это осуждать?

Конечно нѣт!

Но Николаю Дубову хорошо извѣстно, что Вѣрочка мечтает и о том, что явится „тот", кто это богатство бросит к ея ногам, что она терпѣливо дожидается „того", неизвѣстнаго, прекраснаго, что она видит его во снах и что когда явится „тот"—она не задумываясь бросит его и Вовку.

Вот что было скверно, вот что дѣлало его глупым и безпомощным.

Когда нападало на Вѣрочку такое настроеніе, ему ничего иного не оставалось, как кротко переждать его, словно грозу или ураган.

Дубов вздохнул и положил на стол газету. Вѣрочка, точно этого только дожидалась, демонстративно поднялась и ушла в спальню, сердито хлопнув дверью.

Дубов поморщился и закурил папиросу

— Ну чего она злится? Чѣм он виноват, что „тот", о котором она мечтает, не является. Выходит, что он, Николай Дубов, должен преподнести ей того, как прекрасную бомбоньерку. Найти ей своего замѣстителя. Этого бы Вѣрочка хотѣла. Она бы его чмокнула радостная в щеку и сказала:

— Вот это я понимаю. Муж, который, по настоящему любит свою жену, должен всего для нея добиться! Ха-ха-ха!

Дверь распахнулась и вышла Вѣрочка, совершенно готовая к выходу.

Дубов ожидал, что она раздраженно скажет:

— Пойдем куда-нибудь, не торчать же весь вечер дома.

„Куда-нибудь—означало: в кино или в кафэ. К знакомым Вѣрочка ходить не любила. Но на сей раз Вѣрочка ничего не сказала и направилась в переднюю.

— Вѣрочка, куда ты? — не вытерпѣл и бросил ей в догонку Дубов, вставая.

— К маникюршѣ, — неохотно раздалось в отвѣт.

— Ты вѣдь хотѣла итти сегодня на „премьеру".

В передней щелкнул замок и слышно было, как Вѣрочка торопливо сбѣгала с лѣстницы.

Дубов почувствовал вдруг невыразимую пустоту.

Он заглянул в дѣтскую к спящему сыну, подошел на цыпочках к его кроваткѣ и улыбка отеческаго умиленія разлилась по его лицу. Он осторожно коснулся губами дѣтскаго лобика и порозовѣвших со сна нѣжно-шелковистых щечек и вышел из комнаты, тихонько притворив за собою дверь.

На кухнѣ прислуга гремѣла посудой, в квартирѣ было скучно, чего-то не хватало и Дубов, потушив в столовой огонь, накинул на себя пальто и шляпу и вышел на улицу.

— —

Вечер был тихій, теплый, ароматный. Воздух мягко-успокоительный. Вѣрочка глотнула его нѣсколько раз и злость ея испарилась.

Гдѣ-то в глубинѣ души чуть шевельнулась тоска, легкая, чуть примѣтная, но как слабый и вѣрный яд подтачивающая ей жизнь.

— И это все, что тебѣ жизнь дала! И больше ничего? И так до конца? Муж, ребенок, хозяйство? Гдѣ же твои дерзкія мечты, твои смѣлые взгляды на жизнь? Не ты ли будучи гимназисткой издѣвалась над „законными" женами, закисшими в атмосферѣ семейнаго очага. И гордо давала себѣ слово избѣгнуть их участи. Как же это случилось, что ты оказалась в числѣ их? И останешься?! Но ты вѣдь еще молода. Ты еще можешь всего испробовать!

Вѣрочка всѣми силами старалась побѣдить и отогнать нашептыванія тоски.

— Мнѣ хорошо. Мнѣ ничего не надо,—уговаривала она себя. — Я люблю мужа, люблю сына, люблю свою квартирку. Мѣщанство? Пускай! А гдѣ лучше и что лучше?

Она почти успокоилась и наслаждалась одиночеством.

Для нея это было рѣдким развлеченіем. Итти вечером одной без мужа, останавливаться перед ярко-освѣщенными витринами, разсматривать прохожих и ни чем не думать. Как это муж не поймет. что ей по временам просто хочется побыть одной.

Вѣрочка пожала плечами и вошла в парздные, слабо освѣщенные сѣни, ведущіе к маникюршѣ.

Прислонясь к стѣнѣ и облокотясь о толстую деревянную палку, стояла в сѣнях у самой лѣстницы нищая, вся в грязных лохмотьях со свисающими длинными космами сѣдых волос и с таким жестоким звѣрским взглядом, что Вѣрочка чуть не попятилась обратно. Нищая держала в рукѣ ломоть черстваго хлѣба и грызла его с ожесточеніем беззубым ртом.

— Что за страшная старуха, истая вѣдьма. Надо ей что-нибудь дать,—рѣшила вѣрочка, перешагнув три четыре ступеньки и вдруг почувствовала, как ее кто-то сильно взял под локоть. Вѣрочка обомлѣла, ноги у ней подкосились и не поворачивая головы она ожидала, что вот-вот на ея плечи опустится толстая палка старухи.

— Какой счастливый случай! Наконец-то я вас встрѣтил одну. Куда это вы!—услышала она тотчас же мягкій вкрадчивый голос и увидѣв знакомое лицо обрадовалась и облегченно вздохнула.

— Ах, это вы, Альскій, здравствуйте. Я к маникюршѣ, а вы как сюда попали?

— Я все время шел за вами. Хотѣл прослѣдить куда идете одна. Вас встрѣтить одну, да еще вечером—это событіе не маленькое.

Вѣрочка засмѣялась.

— Право же не так страшно: при желаніи я всегда свободна.

Альскій с недовѣріем покачал головой:

— А до сих пор у вас этого желанья не было?

— Иногда бывало...

— Завидую я вашему мужу. Счастливый он. Ну, а сегодняшній вечер подарите мнѣ. Погуляем, поболтаем, а маникюр отложите на завтра. Хорошо?

Красивые сѣрые глаза обволакивали Вѣрочку нѣгой, сочныя розовыя губы тянулись к ея лицу.

— Пожалуй, что можно, — нерѣшительно произнесла Вѣрочка. Альскій быстро, словно опасался чтоб она не раздумала, подхватил ее под руку и увлек на улицу.

— Скажите правду, Вѣра Аркадьевна, вы мнѣ сегодня обрадовались или я ошибаюсь?

Вѣрочка возмутилась:

— Обрадовалась? Ничуть. Там в сѣнях стояла такая страшная старуха. Вы замѣтили? И когда вы схватили меня за руку, я очень испугалась, так как была увѣрена, что это она, а когда увидѣла вас, то обрадовалась, что это не она...—запуталась Вѣрочка, чувствуя, что болтает ерунду и разозлилась. Альскій хохотал.

— Значит лучше я, чѣм эта старуха. Вы откровенны, Вѣра Аркадьевна.

Вѣрочка молчала и Альскій притих...

— Почему вы меня избѣгаете? Почему не хотите со мной встрѣчаться? Уже три года, как я вас знаю и вижу только мельком. Почему?

— Кажется ясно: потому что не хочу, — сухо промолвила Вѣрочка.

— Не хотите или... боитесь?—обдал ее Аль-

скій страстным шепотом. Вѣрочка невольно вздрогнула и глаза ея вспыхнули. Это не ускользнуло от вниманія Альскаго. Он чуть стиснул ея локоть.

— Что же вы молчите? Или молчаніе — знак согласія? Нѣт, не говорите. Не надо. Правды все равно не скажете, я и так все знаю.

— Ничего вы не знаете,—обрѣла вдруг Вѣрочка дар слова,—и встрѣчаться с вами не буду. Куда это мы однако идем?

— В сад. Посидим на скемейкѣ...

— Но там темно, пустынно.

— Тѣм лучше. Развѣ вы меня боитесь?

— Да будет вам болтать: боитесь, не бойтесь,—передразнила его Вѣрочка и они вошли в сад.

Гуляли по темным почти безлюдным аллеям.

Издали мелькали огоньки города, доносилась веселая музыка, пронзительные рожки автомобилей, а в саду было тихо, невозмутимо спокойно, деревья живописно застыли изнеможенные дневной жарой и вѣтерок любовно притаился в зеленой листвѣ. Высоко над ними широко раскинулось величавое звѣздное небо, а кочующая луна, отчетливо круглая остановилась по намѣченной заранѣе программѣ в эту пору над садом и благосклонно освѣтила всѣ его тропинки и аллеи.

Вѣрочка насмѣшливо улыбнулась лунѣ.

— Чему вы смѣетесь?—наклонился к ея лицу Альскій.

— Мнѣ вспомнилось гимназическое стихотвореніе:

Он и она,
Ночь и луна..

Мы теперь похожи на влюбленную парочку.

— Вас это смущает?

— Немножко.

— Почему?

— Хотя бы потому, что если бы кто-нибудь нас тут встрѣтил и передал мужу, мнѣ это было бы непрiятно...

— Какой я несчастный человѣк, Вѣра Аркадьевна, — вздохнул Альскiй. — Вы обо мнѣ совершенно не думаете. Три года я вас знаю, люблю, мечтаю о вас и сегодня, лишь впервые мнѣ удалось с вами поговорить наединѣ. Я хочу воспользоваться случаем, сказать чѣм больше, но не знаю с чего начать. Я так невыразимо счастлив вашею близостью... Вѣра Аркадьевна, разведитесь с вашим мужем, будьте моей женой...

Вѣрочка удивленно взглянула в красивое взволнованное лицо Альскаго и от его пылающих глаз ее бросило в дрожь.

— Вы это серьезно?—тихо спросила она.

— О как нельзя болѣе!

Вѣрочка нервно разсмѣялась.

— Это прямо удивительно! С чего у вас явилось впечатлѣнiе, что я собираюсь бросить мужа, котораго люблю, цѣню и уважаю.

Вы мужа не любите! — холодно отчеканил Альскiй и выпрямился, — не можете его любить, вы себя уговорили, Вѣра Аркадьевна. Вы совершенно различные люди. Он вас не понимает. Вы нуждаесь в красивой осмысленной жизни, вам нужна иная обстановка, а не та, в которой вы живете. Он держит вас взаперти своей деспотической ревностью убивая лучшiе ваши порывы. Вы вспомните когда нибудь мои слова. Вы должны уйти от него, вы должны жить свободной жизнью, никѣм и ничѣм не стѣсняемой. Вы не должны душить в себѣ темперамента. Это самое прекрасное, что есть в человѣкѣ, это крик жизни, источник жизни. Человѣк без темперамента — это бездушная ходячая машина.

Альскiй вдруг остановился и обняв Вѣрочку

привлек ея голову к себѣ на грудь. Он тянулся к ея лицу розовыми сочными губами.

Вѣрочка испуганно отпрянула.

— Что вы дѣлаете?!

— Хочу вас поцѣловать. Один—единственный разок. Я хочу вас образумить и заставить бросить мужа...

— Я вам запрещаю говорить подобным образом о моем мужѣ!

— Неправда! Вы совсѣм не думаете о мужѣ, —бросил Альскій с затаенной страстью в голосѣ, вы боитесь что мои поцѣлуи вызовут с вашей стороны отвѣтные. Вы боитесь своего темперамента, направда ли? Я вас правильно понял. Вѣрочка оглянулась и перепугалясь. Вокруг не было ни души. Был поздній вечер.

— Однако я здорово с вами заболталась,— холодно сказала она, мнѣ давно пора домой.

— Уже, так скоро?—тоскливо вырвалось у Альскаго, но Вѣрочка уже была впереди торопливо шагая мелкими шажками и ему ничего иного не оставалось, как догнать ее.

— Когда же мы увидимся?

— Никогда!

Твердо, увѣренно и весѣло звучал голос Вѣрочки и Альскій понял, что это не шутка, не насмѣшка, а что дѣйствительно эта молоденькая женщина почти ребенок с ним встрѣчаться не будет, что она оказалась сильнѣе его, опытнаго испытаннаго ловеласса. Что у ней есть свой мірок, неизвѣстный ему и тайный, в который она его никогда не пустит. Но он еще не желал сдаваться.

— О, нѣт, Вѣра Аркадьевна, не произносите этого страшнаго слова: никогда. От него вѣет могильным холодком, а я так люблю все веселое, теплое, радостное...

— Что же мнѣ вам сказать, — усмѣхнув-

шись, пожала Вѣрочка плечами, — как-нибудь иначе выразиться?

Извольте: вы убили во мнѣ желаніе с вами встрѣчаться. Чего ради? Чего ради играть с огнем? Ясно, что можно обжечься. Для этого совсѣм не надо обладать тѣм дьявольским темпераментом, который вы мнѣ приписываете. Я совсѣм не искательница сильных ощущеній и терпѣть не могу когда у меня что-нибудь болит. Любить я вас не люблю, а до милльярдера американскаго вам далеко: лишь в этих двух случаях могла бы развестись с мужем. Встрѣчаться! Разговоров вы не признаете — сразу поцѣлуи, объятья...

Благодарю. Вы мнѣ сразу показали, чего я могу от вас ждать.

— Простите, я забылся, больше этого никогда не будет. Я буду другой. Буду таким, каким вы захотите. Будем встрѣчаться, разговаривать, обмѣниваться мыслями...

Они дошли до угла и Вѣрочка остановилась.

— Я с вами тут прощаюсь, дальше не ходите. Не хочу, чтобы нас кто нибудь видѣл.

— Когда же я вас увижу, Вѣра Аркадьевна?

— Когда этого судьба захочет, прощайте! — освободив свою руку, которую Альскій страстно цѣловал на прощанье, Вѣрочка быстро ушла и скоро скрылась за поворотом улицы.

Альскій растерянно глядѣл ей вслѣд и кусал губы.

— —

Вѣрочка была непріятно задѣта тѣм, что не застала мужа дома.

— Давно барин ушел? — спросила она у отворившей ей дверь служанки.

— Давно.

— Ничего не говорил?

— Нѣт, ничего.

Вѣрочка засвѣтила в столовой огонь и скинула на руки служанки легкое шелковое пальто и соломенную шляпу.

— Барыня, я сварила кофе и приготовила блинчики с сыром, можно их жарить?

— Да, конечно.

Вѣрочка присѣла к столу и развернув лежащую перед нею газету разсѣяно стала ее просматривать. Мысли ея были далеко. Но вот она насторожилась. Из передней донесся легкій шорох и она поняла, что это муж отворяет французским ключом входную дверь.

Дубов вошел в столовую взволнованно и быстро и остановился подлѣ стола.

— Гдѣ ты была? — рѣзко и властно спросил он.

Вѣрочка с досадой взглянула на него. Его лицо не предвѣщало ничего добраго.

— У маникюрши,—сквозь зубы бросила она.

— Покажи руки!

Вѣрочка была готова к этому вопросу.

— Я ждала у маникюрши цѣлый час, но не дождалась своей очереди и условились на завтра.

— Ты лжешь! крикнул Дубов на всю квартиру и ударил кулаком по столу,—ты не была у маникюрши! Ты меня обманываешь—к любовнику своему ты бѣгала!

Голос его охрип и задыхался от волненія, а бѣлки его всегда спокойных, ласковых глаз дико вращались. Вѣрочка вскочила сильно поблѣднѣвшая.

— Неужели он меня видѣл или только испытывает?

Все же она стала храбро защищаться и с полным убѣжденіем своей правоты прямо и открыто глядѣла ему в лицо.

— Что за скудная у тебя фантазія. Куда бы я ни пошла у тебя вѣчно одно: к любовнику! Вѣчно сцены и скандалы. Опротивѣло мнѣ это все!

— Я понимаю, ты хочешь выкрутиться, — скрипнул Дубов зубами, — но на сей раз тебѣ это не удастся. Я тебя сам своими глазами видѣл...

Вѣрочка струсила. Дубов был страшен. В таком волненіи она его еще никогда не видѣла.

— А вдруг видѣл? Сказать ему правду про Альскаго? Не повѣрит! Не надо, пусть не думает, что я его испугалась.

— Не выдумывай! — дерзко бросила она ему в лицо, — ты не мог меня видѣть, потому что я была у маникюрши.

— Ты мнѣ глаза не замыливай! Говори с кѣм была!? — в бѣшенствѣ кричал он.

— Говорю: ни с кѣм!

— С кѣм была?—грозно наступал он на нее.

Терпѣніе Вѣрочки лопнуло, она вскипѣла.

— Если тебѣ так важно, чтобя я с кѣм-нибудь... была, я могу сію минуту уйти и пойти с кѣм нибудь...

— Ах, ты! — накинулся на нее Дубов и яростно стал трясти ее за плечи. — Говори, гдѣ была или я тебя задушу, — хрипѣл он.

— Не знает ничего, не видѣл, — поняла Вѣрочка и приняла вид невинной жертвы. Она кротко молчала. Лицо ея говорило:

— Я не виновата, но что же мнѣ дѣлать, когда ты такой сумасшедшій.

Она не вырывалась из его рук и ея равнодушіе и хладнокровіе привели его в себя. Он устыдился и разжал пальцы. Вѣрочка этим воспользовалась и кинув ему презрительный взгляд ушла на кухню.

В кухнѣ оглушительно жужжала машинка и шипѣли на сковородѣ блины. Вѣрочка подошла ближе и увидѣла аккуратно разложенные на про-

долговатом блюдѣ блинчики, аппетитно зарумяненные.

— Барыня, меня звали? Я что-что слышала, но не могла отойти от блинчиков, — оправдывалась служанка.

— Я вас звала? — удивилась Вѣрочка, но тотчас спохватилась. — Да, конечно. Я кричала, что голодна и чтоб вы накрывали к столу.

— Сію минуту, барыня дорогая, уже снимаю послѣдніе блинчики и иду.

Вѣрочка не знала, что ей дѣлать: зайти ли в комнаты или оставаться в кухнѣ

Послѣ нѣкотораго раздумья она пришла к убѣжденію, что не стоит придавать значенія происшелшей сценѣ.

— Не буду больше ни с кѣм встрѣчнться. Ну их к чорту! Толку никакого, однѣ красивыя фразы. Очень онѣ мнѣ нужны. Спокойствіе важнѣе всего. Зайду лучше посмотрю, как Вовусь спит.

———

Вѣрочка любовалась разоспавшимся чернокудрым мальчуганом, нѣжно гладила рукой и цѣловала сго тепленькія щечки и чувствовала, что именно тут и лежит ея маленькое счастьеце, такое сладенькое, вкусненькое и чистенькое.

— Развѣ не дура я что думаю еще о чемнибудь другом, помимо тебя, моя крошка розовенькая.

Дверь тихо скрипнула и в комнаау на цыпочках вошел Дубов, блѣдный, взлохмаченный.

— Вѣрочка, прости меня, моя хорошая. Я безумец, я не мог удержаться, я тебя так люблю, — дрожащим голосом произнес он и, нерѣшительно взяв руку Вѣрочки, поднес ее к губам.

— С тобой невозможно, — тихо промолвила

Вѣрочка, — из-за одного ни на чем не основаннаго подозрѣнія—скандал.

— Прости меня, прости, — взмолился Дубов, — это вышло неожиданно для меня самого. Я вышел на улицу в надеждѣ тебя встрѣтить, сидѣть дома было невыносимо, но нигдѣ тебя не видѣл, а было уже поздно. Мнѣ вдруг до того ясно представилось, что ты ушла на свиданіе, до того несомнѣнным, что я чувствовал как схожу с ума...

На черную взлохмаченную голову Дубова взобралась ручка Вѣрочки и хотя шутливо, но больно рванула его за волосы. Дубов радостно встрепенулся.

— Не сердишься, простила... — обнял он ее.

Вѣрочка тихонько смѣялась.

— Если бы он знал, если бы он знал...

В столовой прислуга накрывала к ужину.

Студентка

Людмила с нетерпѣніем глядѣла в сторону откуда должен был прибыть поѣзд.

Этот поѣзд должен был ее увезти домой, в родной очаг, к нѣжным любящим родителям.

Этот поѣзд был ей ненавистен.

Ей так улыбалось остаться на праздники в большом городѣ. В перспективѣ было столько веселья в компаніи коллег-медиков.

Как вдруг эта дурацкая телеграмма.

„Пріѣзжай непримѣнно папа встрѣтит.
Цѣлую. Мама".

Собственно говоря, она могла бы не ѣхать. но знала заранѣе, что на слѣдующій же день сюда прибудет встревоженная мамаша.

— Этого только не хватало.

Людмила взглянула на вокзальные часы. До прибытія поѣзда оставалось всего пять минут.

Вниманіе ея привлек молодой человѣк в элегантном дорожном пальто с портфелем подмышкой. Лицо его показалось ей знакомым. Если она не ошибается — они из одного города.

— Подойдет или не подойдет? — мелькнула шаловливая мысль.

Как бы угадав ея мысли, молодой человѣк приблизился.

— Простите, m-lle, если не ошибаюсь, вы из „Г“?

Людмила хмуро на него взглянула.

— Да, а что такое?

— Я это знал. Я вас часто встрѣчал на улицѣ и всегда вами интересовался. Имѣю основаніе думать, что и я вам знаком?

— Немного.

— Вот видите, это дало мнѣ смѣлость подойти. А теперь разрѣшите представиться: Александр Ватиновскій. Надѣюсь, вы на меня не сердитесь?

Людмила вспомнила, что ей не к лицу, когда она сердится и просвѣтлѣла.

— Ну, чего тут сердиться! — пожала она плечами.

С оглушительным свистом и шумом, как ошалѣвшій звѣрь, подкатил курьерскій поѣзд к вокзалу.

Послѣ безпорядочной толкотни, крика, смѣха, поцѣлуев—поѣзд тронулся.

———

Людмила устроилась в купэ второго класса удобно как вездѣ.

Скинула жакет, шляпу и развалилась на подушкѣ сидѣнья.

Ватиновскій оказался интересным собесѣдником.

С напряженным вниманіем вслушивалась Людмила в жуткіе разсказы молодого человѣка о большевиках, о том, как ему, уже приговоренному к разстрѣлу, чудом каким-то удалось уцѣлѣть, как в морозную снѣжную ночь он, оборванный, голодный, больной, крадучись перешел границу и как застал жену свою, считавшую его давно погибшим, вышедшей вторично замуж.

— С тѣх пор прошло пять лѣть, многое пришлось перенести, прежде чѣм выкарабкался

из охватившей меня тѣсным кольцом тины нужды, но все это было ничто по сравненію с тѣм, что осталось по ту сторону границы, — тихо говорил Ватиновскій, задумчиво пуская синіе зигзаги дыма в потолок.

— На все земное смотришь теперь совсѣм иными глазами.

Тихой грустью повѣяло на Людмилу от его разсказов. Чувствовался настрадавшійся человѣк. Уловив его взгляд на своих задорно закинутых ногах, она почему-то смутилась.

Опустив ноги, сѣла прямо, ровно, без тѣни рисовки. Она мучительно стыдилась теперь своих накрашенных губ.

В купэ кромѣ них сидѣли двѣ пожилыя дамы, занятыя оживленной болтовней и военный, углубленный в газету.

Послѣ нѣкотораго молчанія Ватиновскій отозвался.

— Разскажите мнѣ что-нибудь о себѣ. Вы на медицинском, вас это интересует?

Послѣ того, что я слышала, не хочется как то говорить о себѣ: все мнѣ кажется в настоящую минуту таким блѣдным, ничтожным..

— Поѣзд остановился на небольшой станціи. Ватиновскій предложил сойти поужинать и Людмила не дала себя долго уговаривать.

Минут через пять послѣ рюмочки ликера, она стряхнула с себя налетѣвшую грусть, стала шаловливой, кокетливой.

А всемогущій случай тѣм временем кое-что сотряпал.

— —

На вокзалѣ поднялось легкое волненіе. Дабы узнать в чем дѣло, Ватиновскій подошел к начальнику станціи и через нѣсколько минут вернулся странно-притихшій.

— Что случилось? — встревожилась Людмила.

— На ближайшей станціи произошло крушеніе. Столкнулись два поѣзда, вслѣдствіе чего путь загроможден и наш поѣзд раньше утра не двинется.

— Вот так исторія! А теперь который час?

— Половина одиннадцатаго.

— Господи! вѣдь это цѣлая ночь впереди.

— Да, цѣлая ночь... Я думаю наиболѣе цѣлесообразным будет, если мы переночуем гдѣ-нибудь в отелѣ, тѣм болѣе, что раньше утра у нас другого поѣзда нѣт.

Чтобы не придать особаго значенія его словам, Людмила спокойно их приняла.

— А откуда вы знаете, что в этой дырѣ есть гостиница?

— Относительно этого будьте спокойны — найдем.

Блуждая по темным кривым уличкам небольшого городка, Людмила в душѣ глумилась над собой.

— Нечего сказать, достойная дѣвица. Знакомится на вокзалѣ, сходит с незнакомым человѣком на станціи. Интересно, что он обо мнѣ подумает?

Молодая дѣвушка пытливо взглянула в лицо своего спутника и встрѣтясь с его простым, дружеским взором, успокоилась.

——

Когда они очутились, наконец, в небольшом номерѣ с двумя желѣзными кроватями, стоявшими по разным углам и дѣвушка, стѣсняясь раздѣваться, прилегла в одеждѣ, Ватиновскій с укоризной замѣтил.

— Не совѣтую. Во первых: платье скомкаете

а во вторых: не сумѣете спать. Я отвернусь, а вы устраивайтесь поудобнѣй.

Людмила послѣдовала его совѣту и через минуту, повернувшись лицом к стѣнѣ, готовилась уснуть, как на кровать к ней подсѣл Ватиновскій и коснулся губами ея плеча.

— Пожалуйста, уходите,—сердито отдернулась дѣвушка и почти уткнулась лицом в стѣну.

— Уходить? когда мнѣ так хорошо возлѣ вас? тихо—засмѣялся Ватиновскій—и не думаю!

— Это еще что такое!—вскочила Людмила—отойдите сейчас же или я буду кричать.

Молодой человѣк удивленно на нее взглянул.

Согласитесь, что это довольно странно. О чем же вы думали, когда шли со мной переночевать?

— Думала и думаю, что меня это ни к чему не обязывает!

— Да??

— Ну, конечно. Дѣло так просто: вы хотѣли спать и я хотѣла — вот и пошли в гостинницу переночевать. Не торчать же было всю ночь на вокзалѣ. Чего тут страннаго?

С минуту Ватиновскій глядѣл на нее во всѣ глаза и затѣм весело расхохотался.

— Это, знаете, совсѣм оригинально. Не ожидал. Бог с вами. Спите спокойно, маленькая современница.

Укрыв ее одѣялом под самый подбородок, он отошел.

——

Под утро, когда уже свѣтало, Людмила проснулась.

Ватиновскій сидѣл у нея на постели совершенно одѣтый, умытый и аккуратно зачесанный, но с усталым лицом.

— Чего вы тут сидите?

— Смотрѣл как вы спите и завидовал вам.

Людмила поняла, что попала в страшно глупое положеніе. Глупѣй всего было то, что она чувствовала себя перед ним в чем-то виноватой.

— Напрасно вы не спали. Уже свѣтает и я встаю.

— Встаете? Ну что же, я выйду, велю приготовить вам воды умыться.

Молодой человѣк поднялся и позѣвая вышел из комнаты.

Было тихо.

Сквозь ставни пробивались лучи солнца. Дѣловито чирикали птички, виднѣлся кусочек синяго неба.

Людмила разсѣянно одѣвалась, она думала о Ватиновском.

Завтракали молчаливо.

Несмотря на то, что они почти не разговиривали, наростала интимность с минуты на минуту.

— Что же красавица моя сегодня такая тихая? — прервал молчаніе Ватиновскій, мягко улыбаясь.

Людмила вспыхнула.

— Сегодня? А откуда вы знаете, что я не всегда такая, — холодно произнесла она.

Ватиновскій ничего не отвѣтил и встал.

Когда они вышли ранним утром на улицу, еще пустынную и тихую в этот час и яркіе лучи солнца брызнули ей в лицо, Людмила почувствовала, как душу ея охватила мощная радость, радость бытія. Ватиновекій взял ее под руку и дружным шагом они направились к станціи. Сама не зная как и почему, Людмила вдруг сказала:

— Знаете, вы мнѣ уже не чужой.

Сказала непосредственно то, что ей пришло

в голову, не задумываясь над тѣм, что говорит. Ея слова с виду мало удивили Ватиновскаго.

— Вам это кажется потому, что вы еще очень молоды. Надо научиться не придавать значенія мимолетным встрѣчам,—поучительно замѣтил он и не задумываться над ними.

— Мимолетная встрѣча,—обиженно думала Людмила,—почему мимолетная если мы живем в одном городѣ. Он просто не желает больше со мной встрѣчаться. А я? — не все ли мнѣ равно?

Заглянув себѣ глубоко в душу, Людмила успокоилась. Вѣрнѣе — не могла разобраться. Поняла только одно: ей хотѣлось, чтобы дорога к станціи тянулась безконечно.

———

Прошла недѣля с тѣх пор как Людмила вернулась домой.

Ватиновскаго она еще не видѣла послѣ того, как прощалась с ним на вокзалѣ. Было ясно, что он избѣгает встрѣчи с нею. Нѣсколько вечеров подряд она просидѣла в кафэ „Люкс", гдѣ было условлено встрѣтиться.

Совершенно неожиданно, когда она уже потеряла надежду его увидѣть, она почувствовала, что кто то на нее смотрит.

Это было в тот момент, когда студент Шарейко поцѣловал ее во время танца в шею.

Она оглянулась.

Ватиновскій расплачивался с кельнером и, отвѣсив ей холодный вѣжливый поклон, вышел из кафэ, не оглядываясь.

Людмила, поблѣднѣвшая, долго глядѣла на закрытую дверь. Не хотѣлось ей вѣрить, что он ушел, что все кончено.

А что она его больше не увидит, она поняла.

Она впервые почувствовала, что у нея есть сердце. Почувствовала потому, что оно заболѣло.

— Давайте танцовать, о чем это вы задумались,

o, Pepito,
bądź choć raz
pvzyzwoitą...

запѣл ей на ухо Шарейко и привлек ее к танцу.

— Оставьте, не хочу больше танцовать. Я ухожу домой.

— —

Родители не могли нарадоваться перемѣнѣ, произошедшей в их любимицѣ.

Она стала рано приходить домой, она разлюбила дансинги, она охотнѣй всего садилась за рояль и играла.

Правда, их немного пугал этот рѣзкій перелом в шаловливой и шумной Людмилѣ, но что он произошел они не сомнѣвались. Как это большей частью бывает, родители ошиблись.

Никакого перелома в Людмилѣ не произошло. Это было временное затишье,— затишье перед грозой.

Людмила вернулась в столицу дерзкая, вызывающая.

Вернулась, к своим лекціям сильно охладѣвшая. Если раньше онѣ ее интересовали, то сейчас ничуть.

Она ринулась в омут развлеченій, словно старалась себя вознаградить за временное воздержаніе.

Если бы она встрѣтила теперь Ватиновскаго, она бы ему разсмѣялась прямо в лицо.

Электролюкс

Бѣлокурая Янка, жена майора была сильно не в духѣ.

Причина?

Муж не хотѣл купить электролюкс.

Не то что не хотѣл, а не мог. Средства не позволяли. Но поверхностная легкомысленная натура майорши не желала с этим считаться. Она была далека от дѣйствительности, признавая лишь свои капризы.

Развѣ могли ее интересовать долги мужа? Это не ея дѣло. Не для того же она замуж выходила, чтобы стѣснять себя, отказывать себѣ в чем-либо.

Долги?

Ну и прекрасно — будет еще один долг.

А электролюкс необходим.

Чистота в домѣ с ним образцовая. Гигіена Экономія. И... развлеченіе.

Это так весело самой снимать пыль со стѣн, занавѣсей, потьер.

Она видѣла, как это дѣлала одна знакомая и ей эта процедура страшно понравилась.

И при том это очень модно—имѣть электролюкс.

Совсѣм недорого. На выплату. Каких-нибудь сорок-пятьдесят злотых в мѣсяц, зато польза какая!

— Дорогая моя, не забывай, что таких сорок-пятьдесят злотых в мѣсяц я должен платить в пяти-шести мѣстах и что вмѣстѣ взятое это

далеко не пустяк. Сумма внушительная — из моего жалованья ..

Звон отодвинутой тарелки, рѣзко опрокинутый стул, стук дверью и, разгнѣванная упрямством мужа, Янка закрылась в своем будуарѣ. Она чувствовала себя вполнѣ несчастной.

Будущее представилось ей в мрачных красках. Что же будет дальше, если теперь, когда она молода и хороша, он ей отказывает в такой глупости.

Пройдут годы, она подурнѣет, постарѣет. При этой мысли ей стало страшно.

А вдруг она уже подурнѣла?

Несомнѣнно.

Раз он отказывает.

Янка вдруг подумала о смерти, которая, вѣрно, не за горами. Стало жаль своей загубленной молодости, своей неудачно сложившейся жизни. Рыданіе подступило к горлу и бросившись на кушетку, Янка залилась горючими слезами.

До мелочей припомнились ей всѣ обиды за время пятилѣтняго замужества, объединились в одно цѣлое, в непоправимое несчастье.

Тут дѣло было уже не в электролюксѣ, а в том, что муж ее внѣ всяких сомнѣній, разлюбил.

Молодая женщина горько рыдала.

—

А бѣдный майор в своем кабинетѣ взволнованно курил американскую файку и проклинал того, который изобрѣл электролюкс.

Бѣгая взад и вперед по мягкому ковру, он думал о самоубійствѣ.

Раньше или позже этим кончится. И доведет его до этого — собственная жена.

Неужели она этого не понимает?

Он по уши в долгах, а ей электролюкс захотѣлось. Жила столько времени без него спо-

койно, счастливо, а сейчас он стал вопросом жизни или смерти.

Избаловал он ее — вот что.

Сам виноват.

Слабохарактерная натура. Тряпка.

Надо с ней строго.

Увы! Майор не принадлежал к категорiи строгих мужей.

И электролюкс был куплен.

Жизнь вошла в прежнюю колею.

Янка была счастлива и с гудящей машиной в руках проявила недюженныя хозяйственныя способности.

В домѣ образцовая чистота, порядок.

Гигiена.

С гордостью показывала она своим подругам всевозможные способы примѣненiя электролюкса.

— —

В воздухѣ чувствовалось весна. С этим никто не спорил.

Врачи предписали Янкѣ пройти курс лѣченiя против какой-то болѣзни (она хорошо не помнила названiя) в Ивоничѣ.

Сборы были не долги. Первый сезон всегда дешевле. Это они знали по опыту.

Майор ѣхал с женой.

Электролюкс, их любимое дѣтище, они захватили с собой в изящном чемоданчикѣ.

Он всюду был необходим.

Гигiена прежде всего.

По дорогѣ задержались на недѣлю в имѣнiи матери майора—сѣдой, представительной дамы. Большiя просторныя комнаты, сплошь застланныя коврами со старинной мягкой мебелью, казалось только и дожидались прибытiя электролюкса.

Старый дом ожил, посвѣжел, помолодѣл. Майор и майорша, как дѣти с игрушкой, возились с электролюксом с шутками и смѣхом перебѣгая из одной комнаты в другую.

Снималась вѣковая пыль.

Сѣдая дама, сложив на животѣ пухлыя бѣлыя руки в брильянтовых кольцах, с забавным изумленіем слѣдила за количеством высыпаемой из мѣшочка сѣрой пыли.

Приходила в ужас.

— Господи! И мы это думаем, что живем в чистотѣ, а вокруг нас бациллы всевозможных болѣзней. Что, однако, значит—жить в большом городѣ!

Перед отъѣздом Янка, растроганная теплым радушным пріемом, сказала.

— Дорогая мама, так как мы совсѣм забыли в суматохѣ привезти тебѣ подарок, то в качествѣ подарка оставляем этот электролюкс.

Ты уже знаешь, как его употреблять, он тебѣ больше пригодится, чѣм нам.

У нас и ковров таких нѣт и вообще мы можем обойтись без него.

Майор с изумленіем, не вѣря своим ушам, взглянул на жену.

Не сошла ли она с ума?

Янка нѣжно цѣловалась с матерью.

У почтенной старушки стояли в глазах слезы умиленія. От избытка чувств она даже не в состоніи была благодарить.

Янка сіяла и майор только порадовался ея великодушію и доброму сердцу.

Таким образом вошел и ушел навсегда из жизни бѣлокурой Янки злополучный электролюкс.

Сѣрая курточка

Что было особеннаго в этой курточкѣ — трудно сказать. Была она перешита из сѣраго драповаго пальто, которое поочередно носили три сестры. Узковато стало на старшей, носила средняя. Подросла средняя, носила младшая,

Годика через два и младшая сестренка должна была была от него отказаться, а пальто все было цѣло, неистрепанно Жаль было выбрасывать и семейным совѣтом рѣшили перешить из него коротенькую кофточку, которую кто из сестер захочет — будет носить.

Старшая сестра, считавшая себя взрослой барышней в свои четырнадцать лѣт, брезгала этой скромной курточкой.

Отказалась от своих прав на нее и младшая. Неизвѣстно по каким причинам. За то средняя, черноглазая Аська, срщество вездѣсущее и лицемѣрное, опредѣленно почувствовала к этой безцвѣтной курточкѣ особенную нѣжность. Раз надѣв ее — она с ней больше не разставалась. Носила втеченіе многих лѣт. Зимой и лѣтом. И так всѣ привыкли видѣть Аську в этой курточкѣ, что трудно было себѣ представить ее в чем-нибудь ином.

Онѣ словно срослись, сроднились довольныя друг друг другом.

Курточка расцвѣтала, принимала совершенно новыя очертанія на тонкой фигуркѣ тринадцатилѣтней Аськи.

Что тут много толковать — вещь достигла

истиннаго своего назначенія послѣ стольких лѣт безплоднаго существованія.

Застегивалась она спереди десятью пуговицами, покрытыми глазурью, имѣла отложной воротничек и карманы.

Были это не какіе-нибудь обыкновенные карманы, которые встрѣчаешь сплошь да рядом. Нѣт это были замѣчательные кармашки, заслуживающіе особеннаго вниманія.

Замѣчательность их выражась не в какой-нибудь оригинальной выкройкѣ, особенном причудливом фасонѣ их, а в том, что когда сестры видѣли Аську, входящую в дѣтскую, онѣ первым дѣлом кидали привычный взгляд на карманы курточки.

И соотвѣтственно тому—были ли они сильно оттопырены или имѣли свой обыкновенный, ничего неговорящій вид — черноглазая Аська удостаивалась того или иного пріема.

Если бывали оттопырены, Аська неожиданно становилась центром вниманія, героиней дня, силой, величиной.

Старшая сестра бросала книжку, младшая игру в картинки.

— Ну, что? - спрашивали онѣ таинственным шепотом и предупредительно подставляли Аськѣ стул.

Аська окидывала их свысока—снисходительным взглядом и, разсѣвшись на стулѣ, как королева на тронѣ, начинала выкладывать на колѣни содержимое оттопыренных кармашек.

Первым долгом неизмѣнно вытаскивался носовой платок, а затѣм все остальное.

Шоколадныя конфеты, ландринки, бисквиты, кусочки торта, орѣхи, вѣточка винограда, — словом всякая прелесть, награбленная из буфета украдкой от мамочки, возившейся с чѣм-то на кухнѣ.

Всѣм этим добром Аська (к чести ея будь сказано!) добросовѣстно дѣлилась с сестрами. Ей по душѣ была эта роль доброй феи.

— —

— Дѣти, до обѣда ничего сладкаго на ѣшьте, — волновалась мамочка, портите себѣ аппетит и потому кушаете мясо без хлѣба. Это нездорово, от этого худѣют. Слышите? Без моего вѣдома ничего не брать

— Хорошо, — вяло отвѣчали дѣти и продолжали потихоньку таскать из буфета все сладкое

Убѣдившись, что тут словами дѣлу не поможешь, мамочка стала закрывать буфет на ключ.

Дѣти пріуныли.

Но для чего же на свѣтѣ существует такая Аська, всюду сующая свой острый носик, цѣлый день рыскающая по всей квартирѣ.

Такая Аська, которой доподлинно извѣстно все, что творится, говорится, дѣлается на кухнѣ, в столовой, спальнѣ, у сосѣдей.

Какой теперь поклонник у горничной Наташки, когда он с ней поженится когда он повезет ее в деревню и как они заведут свою корову.

Аська обладала рѣдким даром, не каждому дающемуся знать, что у кого творится, кто что сказал и что из этого выйдет

Надо ли говорить, что всегда выходила так, как Аська предполагала?!

Она, например, знала, что когда мамочка на кухнѣ, надо повертѣться подлѣ нея и сдѣлать вид будто хочешь ей помочь.

Тогда мамочка непремѣнно вспомнит про „кое что' что надо принести из буфета и передаст ей ключи со словами:

— Живехонько Аська, принеси стакан сахарнаго песку для компота.

Аськѣ только только этого и надо.

Глазки ея весело заискрятся. Мигом слетает она к буфету, этому обладателю всѣх земных сокровищ, наполнит стакан сахарным песком, а попутно и свои кармашки всяким добром, звонко щелкнет замком и преподнесет мамочкѣ стакан и ключи.

А там уж—поминай как звали!

Аська в дѣтской вмѣстѣ с сестрами упивается своей побѣдой.

Лакомятся, хихикают, шепчутся, ссорятся, цѣлуются, а когда все уничтожено до единой крошечки. вся величественность с Аськи мигом спадает.

Она теряет в глазах сестер всякій интерес, стул у ней отбирается, а сама она выталкивается за дверь за чѣм нибудь еще"

Черноглазая Алься в своей сѣрой курточкѣ с благословенными кармашками самой матушкой-природой была создана для этой роли.

Она была в ней незамѣнима.

Это сестры за ней признали.

— —

Но, как извѣстно, и великіе полководцы проигрывают сраженія.

Так случалось и с Аськой.

Несмотря на всѣ пущенныя в ход хитрости и дипломатическія тонкости — ей не удавалось выманить у мамочки ключи. Сестры тогда на нее —нуль вниманія. фунт презрѣн я.

Этого Аська не любила.

Она была большой любительницей дешевенькаго эффекта. И придумала слѣдующее:

Когда путешествіе ея за чѣм-нибудь еще" не увѣнчивалось успѣхом, она напихивала свои кармашки бумажками, дабы придать им желанную форму, сверху клала носовой платок и, придав лицу соотвѣтствующее выраженіе, входила в в дѣтскую.

Эффект поразительный!

Сестры мгновенно соскакивяли со своих мѣст, с заискивающей любезностью подставляли ей стул и жадными глазами поглядывали на многообѣюще оттопыренные карманы. Аська медлила, стараясь оттянуть минуту разочарованія.

— Ну же, выкладывай, — теребили ее сестры и Аська выкладывала.

Носовой платок и бумажки одну за другой.

— Это тебѣ, а это тебѣ, добросовѣстно дѣлила она все поровну.

Сестры хохотали до слез, как гусенята гарланили на всю квартиру. Больше и громче всѣх хохотала Аська. довольная собой больше, чѣм всѣм на свѣтѣ.

Требовалось энергичное вмѣшательство мамочки для того их хоть немного унять.

— —

Годы шли.

Черноглазая Аська превратилась в красивую граціозную дѣвушку. Как всѣ дѣвушки она, совершенно не думая о замужествѣ, вышла замуж.

Имѣла мужа, которому пріятно было с нею всюду показываться.

Имѣла квартирку, которую пріятно было показывать.

Имѣла свой собственный буфет, наполненный дорогими лакомствами

Буфет, к которому она могла подойти во всякую пору дня, не считаясь тѣм—испортит ли себѣ аппетит к обѣду или нѣт.

Имѣла она еще прислугу Женю.

Славная была эта Женя и Аська ей живѣйшим образом выразила свою симпатію. Она подарила ей свою сѣрую курточку, которая была еще совершенно цѣла и нисколько неистрепана. Она, как видно, принадлежала к тѣм вещам, которыя не желают считаться с временем. Вродѣ

женщины, которая не желает стариться. Мило было Аськѣ глядѣть на эту курточку. Она в ней будила воспоминанія шаловливых юных лѣт.

Каково же было ея изумленіе и негодованіе. когда однажды она случайно обнаружила, что карманы этой курточки до верха наполнены сладостями из ея буфета!

Она вспылила, наговорила Женѣ кучу пристыживающих и поучительных слов.

Женя, симпатичная деревенская дѣвушка, сильно сконфузилась, покраснѣла до ушей и просила закрывать буфет на ключ.

— Само собой разумѣется, что я уже буду закрывать его на ключ, — возразила сразу обезоруженная Аська и, усѣвшись за туалет, провела пуховкой по тонкому носику.

В черненьких глазках ея прыгали веселые огоньки.

— Конечно, Женя не виновата, такова уж притягательная сила этих кармашек, — сообразила она и звонко расхохоталась.

Печка и кочерга

Басня

Надумала кочерга провѣдать печку. Пришла улыбающаяся, начищенная, поклонилась, шаркнув желѣзной ножкой по мѣдной бляхѣ и бодро произнесла:

— Здравствуй, печка. Как поживаешь?

Печка в отвѣт недовольно закряхтѣла.

— Как поживаю? А ты кто такая будешь?

Небрежно она распахнула дверцу едва не опрокинув тонкую кочергу.

Кочерга всунулась в дверцы наполовину.

— Вот и я, — весело сказала она, — не узнаешь?

— Аа, узнаю, хотя с трудом. Ты еще больше похудѣла за это время. Того и гляди переломишься надвое, — саркастически замѣтила печка и совсѣм мало любезнаго было в ея голосѣ, когда она раздражительно добавила:

Ну, что же ты в самом дѣлѣ остановилась на пол дорогѣ. Влѣзай, что ли! Надо дверь закрыть. Не видишь, сквозняк!

Кочерга, смущенная таким пріемом, охотнѣе всего удалилась бы во-свояси, но вмѣсто этого растерявшись, влѣзла в печку. Когда дверцы за ней захлопнулись, она неувѣренно прошептала:

— О, как у тебя тут темно, ничего не видно.

— Не моя вина в том. Пеняй на себя. Зачѣм не предупредила о своем визитѣ? Я бы для тебя свѣтом разогрѣлась а так — не взыщи. И угостить нечѣм, — ехидничала печка.

— Ах, что ты! Что ты! При чем тут угощеніе. Я так себѣ зашла, запросто, — как можно болѣе искренним голосом сказала кочерга, а у самой мелькнула презрительная мысль:

— Тоже мнѣ, подумаешь, важничает. Холодно, темно, ни присѣсть, ни закусить, я даже не вижу гдѣ стою, еще выпачкаюсь. Стоило для такой дуры два часа чиститься и блестѣть как серебро, когда она даже этого в темнотѣ и не видит.

Веселое настроеніе кочерги как водой смыло. И в ней начинало накипать раздраженіе. Она, правда, пришла с самыми добрыми намѣреніями, но когда ее так враждебно приняли (не так уж она глупа, чтобы этого не понимать), то и она сумѣет отплатить той же монетой.

— —

— Я вот подумала, что скучно тебѣ, бѣдной, вавсегда прикованной к одному мѣсту,—произнесла она наполнив голос притворным сочувствіем. — Ты ничего не знаешь, что на свѣтѣ дѣлается, ты всегда торчишь дома одна-одинешенька—вот я и пожалѣла тебя.

— Да, да, — с меланхолической задумчивостью вздохнула печка, — незавидна доля моя.

— И я это подумала. Как она может так жить, вѣчно на одном мѣстѣ, вѣчно одна и одна. Я бы так не могла. Я бы лучше повѣсилась, из окна выбросилась, но никогда не согласилась на такую безрадостную жизнь.

— Да, да,—вздыхала печка довѣрчиво внимая словам коварной кочерги. Ей и впрямь начинало казаться, что жизнь ея ужасна. Сама она этого как-то и не замѣчала, не задумывалась. До разговора с кочергой она совсѣм не чувствовала себя несчастной. Покойно ей было и тихо. Жила она себѣ сосредоточенной вдумчиввой жизнью, ничего ни от кого не требуя, ни на что

не надѣясь, с философским равнодушіем относясь ко всему, житейскому. Скучно ей было? Нисколько. Развѣ люди не при ней? И совсѣм она уж не так одинока. Мало ли людских рѣчей выслушала она на своем вѣку. Честных и благородных, лживых и преступных, возвышенных и низких, но всегдт льющихся их глубины души потому, что когда люди грѣются у печки— они всегда откровенны (сколько раз слышала она: — „печка зимой —это лучшій друг").

По этим рѣчам печк отлично научилась судить о том, кто их произносил и приблизительно представляла себѣ его лицо. Это было очень инресное звнятіе и она затѣм долго еще раздумывала о слышанном.

Нельзя, конечно, сказать, что в жизни печки уж совсѣм не было непріятностей. Бывали, а как же Случалось и ей хворать. Тогда она слышала недовольное брюзжаніе:

Проклятая печь. Недавно, кажется, ее починяли, а она уже опять забастовала. Придется ее совсѣм разбросить и поставить новую.

В такія минуты печка с глубокой горечью думала о людской неблагодарности. Из за того, что придется с нею повозится, сдѣлать что-нибудь для нея (в концѣ-концов в их же интересах)—уже забыто все то хорошее, что она им предоставляла. И затѣм печка совершенно не понимала зачѣм на свѣтѣ существует кочерга. Развѣ она, печка, не знает своего назначенія. Конечно знает и совсѣм напрасно ей об этом напоминают. Ну положили в нее угли или дрова. Прекрасно. Она втягивает в себя теплоту каждым кирпичем, каждой песчинкой, а затѣм дышет этой теплотой на комнату, на людей и на мебель.

Но оказывается, когда слишком стараешься —люди опять недовольны!

— Ах, шкаф совсѣм разсохся, надо его отодвинуть, он слишком близко подлѣ печки. Того и гляди развалится.

Печка только самодовольно усмѣхается. Эти слова для нея лучшій комплимент, истинное признаніе ея силы и могущества.

Все прекрасно. Но вот является длинная тонкая кочерга с заостренным концом и давай расшвыривать по разным углам дрова или угли и наносит по всѣм ея внутренностям колючіе болѣзненные удары и царапины. Боль, которую причиняет печкѣ кочерга — людям неинтересна. Люди даже не хотят понять, что всѣ болѣзни печки берутся от этой кочерги, нашедшей у них такое распространеніе и симпатію. Но люди — Бог с ними! К ним печка особенной злобы не питает. Они сами не знают, что дѣлают и только в этом их оправдан е. Но кочерга? О, та-то прекрасно знает в чем дѣло. Она лишь и слышит ея стоны, но ей это—нипочем!

Она пользуется предоставленной ей властью как нельзя больше и истязает печку с истинным садизмом. К счастью, это мучительныя минуты—непродолжительны. В противном случаѣ жить было бы совершенно невозможно.

Злопамятством печка не отличалась и когда кочерга так неожиданно нагрянула к ней в гости и заговорила с таким участіеи к ея судьбѣ—она сразу забыла о всем том злѣ, что та ей причинила. И даже пожалѣла, что встрѣтила ее так нелюбезно.

А кочерга, наслаждаясь эффектом своей рѣчи, продолжала:

— Помилуй, что это за жизнь. Это же смерть заживо. Никуда тебѣ не повернуться, ничего тебѣ не узнать, не увидѣть. Ты, дѣйствительно, воображаешь, что на свѣтѣ нѣт никого

больше кромѣ людей, которые грѣются подлѣ тебя· А между тѣм свѣт велик и нрекрасен и и столько в нем замѣчательнаго, что и пересказать трудно. Чего только я не видѣла, чему только не была свидѣтельницей. Ты послушай. Сосѣдка одолживает меня у хозяйки—я знаю, что одна говорит о другой и просто подскакиваю от восторга. Жена уличила мужа в измѣнѣ — я быстренько поспѣшила показаться ей на глаза. Хвать по головѣ и тот на землѣ. Кровь, полицiя, а в протоколѣ и я.

Лѣто, люди ѣдут на дачу и я с ними. Тащусь по свѣжей зеленой травѣ, а вокруг солнце, поле, лѣс и цвѣты.

А однажды—ночь, в квартиру забрался вор. Хозяйка видит его в щель деревянной перегородки и дрожит. Тут я пришла на помощь. Сунулась ей в руку у ней и страх пропал. Как она подкралась и как начала его обкладывать — чуть живой едва ноги унес. Ничего и взять не сумѣл. А хозяйка ко мнѣ.

— Ах, ты кочергѣюшка, родная ты моя, защитница!

С тѣх пор ко мнѣ с еще большим вниманiем относятся и прямо тебѣ скажу—с почетом. А вот как посмотрю на тебя — просто плакать хочется. Ну как это можно? Что ты себѣ думаешь?

Печка мрачно молчала подавленная могуществом кочерги. Отчаянье охватило ее полнѣйшее.

Вся жизнь позазалась ей ужаснѣйшей ошибкой.

— Так что же мнѣ дѣлать, — прошептала она с мольбой,—посовѣтуй.

Это было уж слишком. Кочерга не выдержала и звонко расхохоталась. В смѣхѣ ея звучали злыя торжествующiя нотки. озадачавшiя печку.

— Что тебѣ дѣлать? О, это очень серьезный вопрос. Настолько серьезный, что отвѣтить на него совершенно невозможно.

— Невозможно? — опечалилась печка, — почему? Я думаю—ты толжна знать. Ты бываешь в свѣтѣ, среди людей, у тебя имѣтся нѣкоторый жизненный опыт и если ты мнѣ друг—посовѣтуй!

Кочерга вскипѣла.

— Развѣ друга принимают так, как ты меня приняла?—ѣдко спросила она.

— Ну прости, — смутилась печка и стала оправдыватся, — у меня до сих пор не было никаких данных за то, чтобы считать тебя другом, а скорѣе наоборот. Но сегодняшній наш разговор...

Кочерга состроила удивленно невинную гримасу.

— Наш разговор? А что я такого сказала?

— Ну ты мнѣ посочувствовала, вошла в мое положеніе.

— Вошла в твое положеніе? Что за чепуха! Я умерла бы от тоски и одиночества находясь в твоем положеніи Жизнь твоя так ужасна, что я даже себѣ представить ее не могу. Гдѣ уж тут совѣтовать. Вся твоя жизнь для других, всѣ имѣют пользу от тебя, а что ты имѣешь для себя? Как даже думать можешь о перемѣнѣ жизни Развѣ ты самостоятельна? Развѣ ты цѣли ком не зависишь от людей?

— А ты? — нахмурилась печка.

— Ну, я — совсѣм другое дѣло. Ты совсѣм не можешь со мной равняться.

Кочерга произнесла эти слова таким обидно-пренебрежительным тоном и так нахально отвернулась, что печка сразу пришла в себя, выпрямилась, оправилась и грозно взглянула на кочергу.

— Так что ничего не можешь мнѣ посовѣтовать? — сурово спросила она.

— За совѣтами, я слышала, люди обращаются к адвокатам; — раздался холодный отвѣт.

— Так чего ради ты меня тут морочишь? Разстраиваешь разговорами о другой жизни. Раз она для меня не мыслима, то она меня и неинтересует. А ты просто пришла сплетни собирать, а я была такой идіоткой, что повѣрила в твою искренность. Будь спокойна: больше это не повторится. Ты злая, фальшивая тварь и первокласная сплетница. Да, да, да. Нечего разыгрывать оскорбленное достоинство. Я это знаю из достовѣрнаго источника. Угли мнѣ разсказали, что ты велишь им разбрасываться во всѣ стороны, чтобы потом могла меня колоть, собирая их в кучу. Слушай, что я тебѣ скажу. Наплевать мнѣ на тебя и на ту жизнь, которую ты ведешь и о которой разсказываешь. Если там у вас всѣ такія лицемѣрныя созданія, как ты, то я могу только порадоваться, что нахожусь в сторонѣ от вас и не принуждена с вами сталкиваться.

Проваливай!

Гордая, величественная, — печка дохнула на кочергу таким ледяным холодом презрѣнія, что кочерга, уничтоженная, злая, молчаливо потянулась к выходу. Она поняла, что игра ея проиграна, что о добрых отношеніях с печкой нечего больше мечтать, что вспыхнувшее в той на миг довѣріе угасло навсегда. А жаль. Так чудесно можно было над нею посмѣяться, дав ей нѣсколько уморительных совѣтов на правах друга, а сейчас все потеряно и вдобавок ее еще выгоняют! это уж черезчур.

И вертлявая, хвастливая кочерга растерялась. Она неловко, боком толкнула дверцу, которая нехотя, заскрипѣв ржавыми засовами

слегка приоткрылась и отчаянно согнувшись уже просунула в отверстіе свою круглую головку, как вдруг гудѣвшій и метавшійся в трубѣ вѣтер с визгом рванул ее за желѣзную острую ножку и как добычу увлек в трубу.

Кочерга от страха даже крикнуть не успѣла. Зажмурилась, затаила дыханіе и подумала, что настал ей конец. Она летѣла вверх неизвѣстно куда, неизвѣстно зачѣм в страшной, непроницаемой темнотѣ. И в эту послѣднюю, — как ей казалось, минуту мелькнула в ея круглой головкѣ мысль, огненная, обжигающая и одновременно проясняющая:

— Это за печку. Надо было к ней быть добрѣе, внимательнѣе. Если останусь жива, если это чудо случится — о, тогда я буду совсѣм другая.

Едва она это подумала, как яркій дневной свѣт обдал ее со всѣх сторон и не успѣла она, ошеломленная, напуганная раскрыть своих крохотных глазок, как вѣтер швырнул ее куда-то вперед и с оглушительным треском покатилась она по желѣзной крышѣ.

Вороны, мирно бесѣдовавшія послѣ обѣда, несказанно изумились таким наглым вторженіем в их владѣнія средь бѣла дня и в знак протеста и негодованія пронзительно закаркали и шарахнулись на другую крышу.

Расположившись всѣ в один ряд на самом краю онѣ с волненіем и любопытством слѣдили за кочергой. Кочерга лежала неподвижная, черная и старалась отдышаться Вѣтер успокоился и больше ее не тревожил. Понемногу она приходила в себя.

— Кажется я жива. Какое счастье, но гдѣ я? чуть приподняла она свою головку боязливо озираясь вокруг. А между тѣм вороны, выйдя из состоянія созерцательнаго оцѣпененія, стали дѣлиться друг с другом своими впечатлѣніями.

— Что это за странное существо? Откуда оно появилось? — спросила одна.

— Не знаешь откуда? С неба. Я сама видѣла, — с апломбом увѣряла самая младшая.

— Ну и дура же ты! Теперь вѣдь день, а дьяволы сходят на землю только ночью,— отозвалась третья.

— Сама ты дура!—обидѣлась младшая я совсѣм не говорю, что это дьявол.

— А кто же это по твоему?

— По моему это уже смерть пришла за тобой.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — три раза сплюнула на бок взбѣшенная ворона, — типун тебѣ на язык, хромоножка, чтоб ты себѣ вторую ногу сломала, чтоб у тебя клюв отвалился. Ах, ты!!

Вороны сцѣпились и подняли невообразимый гвалт.

— Тише вы, дармоѣдницы!—рѣзко и властно гаркнул ворон и разом все стихло в настороженной тишинѣ. — Я знаю кто это...

— Карр... карр...,—с довѣр'ем отнеслись к его словам вороны, кто же это?

— Это мой враг и наш всѣх враг. Это кочерга. Когда я становлюсь в нижнем этажѣ того дома на подоконник, то эта самая кочерга меня прогоняет и однажды меня больно ушибла и поранила Я цѣлую недѣлю лежал больной. Помните?

— Карр... карр... — помним, а какже. Ах, подлюга! Мы теперь с нею разсчитаемся. Будет она нас помнить. Летим туда к ней. Заклюем ее! Вороны, смертельно оскорбленныя за своего самца, зловѣще взмахнули крыльями и черной стаей налетѣли на кочергу.

Онѣ набросились на нее с такой яростью, с таким остервенѣніем, что через нѣсколько минут кочерга уже лежала на землѣ, слетѣв с четвертаго этажа.

Она была совершенно сбита с толку и ничего не понимала.

— За что онѣ меня так не навидят, что я им сдѣла? — дрожала она вся от незаслуженной обиды.

Долго лежала она на мостовой, ощущая невыносимую боль в боку. Когда она, наконец, поднялась искривленная, тяжело вздыхающая и заковыляла к сараю гдѣ было мѣсто ея ночлега, стоял у е глубокій вечер.

— Вот и ходи в гости, с ненавистью вспомнила она печку, прямую причину всѣх ея бѣд— наберешься неожиданностей. Ну ничего. Зачтется тебѣ все это при случаѣ.

Войдя в сарай, она взглянула на угли, заполнявшіе его почти цѣликом, которые виновато, как ей показалось глядѣли на нее сверкающими искорками и разобрала ее такая лютая ничего не соображающая ярость, что забыв о собственной боли, она накинулась на них безпощадная, как нож гильотины и давай колотить направо и налѣво, без оглядки, без остановки.

В этом нападеніи она изливала всѣ свои неудачи, всѣ обиды и оскорбленія.

Она даже не успѣла или просто не захотѣла подумать:

— При чем тут угли? Эти угли, что безващитные и невинные лежат в сараѣ. Вѣдь они у

печки не бывали и ничего ей не разсказали. Но не знали угли, что вся вина их заключалась в том, что они, беззащитные, первые попались ей на глаза.

Когда утром прислуга отворила сарай, она пронзительно закричала и в страхѣ попятилась обратно.

Угли превратились в мелкую кашицу, а кочерги совсѣм не было. Она распалась на мелкіе кусочки.

Осень

По рѣкѣ скользит плот. Из молодых тонких березок.

Плотно прилажены онѣ одна к другой. Плот скользит тихо, беззвучно, граціозными зигзагами огибая неровный берег. Рѣка широка, полноводна.

Отражает в себѣ небо млечно сѣрое, унылое. Ни вѣтерка.

Спокойно сонно, вяло. Теплая, сухая осень Отцвѣтшіе листья безропотно ложатся на землю. Топчут их, мнут, раскидывают. С досадой отбрасывают приставшіе к башмакам.

Забыто все.

Как прятались под их спасительную тѣнь от палящих лучей солнца.

Как в пышном зеленом шатрѣ их чирикали воробьи и ласточки и к нѣжному воркованію прислушивались облокотясь о скамью заглядѣвшись в голубое небо на плывущія облачка.

Ароматный вѣтерок шелестѣл в зеленой листвѣ, обдавая тончайшей лаской разгоряченное лицо.

В душистую лунную ночь пѣл соловей. Густая листва скрывала его от нескромных глаз.

Но минул лѣтній сон и — топчут их, мнут, раскидывают. С досадой отбрасывают приставшіе к ногам.

Дворники их уберут, свезут в навоз. Ими будут удобрять поля.

Земля дала, питала, пришла пора и зовет обратно. Принимает, дабы дать новое.

Из земли придет, в землю вернется. Просто. Мудро.

— —

По рѣкѣ скользит плот.

Куда направляет его рука проводника и кто направляет проводника?

Березки покорились человѣку.

Человѣк – человѣку.

В дождь, холод, вѣтер, в сырую ненастную ночь мерзнет он, посинѣвшій, на плоту

Одинокій, заброшенный, как пес жмется в соломенном шалашикѣ.

Мрачно у него на душѣ.

Неохота и словом перекинуться с товарищем. Молчит и тот по другую сторону плота.

У каждаго жена, дѣти. Гложет тоска о насущном хлѣбѣ.

Проводник на плоту — ты хуже пса!

Пес сумѣл завоевать довѣріе человѣка, а ты человѣк у человѣка не сумѣл.

Он молчалив и скрытен.

В непроницаемой черной пеленѣ ночи, в борьбѣ с вѣтром, старавшемся сбить его с пути, закалилась его воля, как желѣзо. Замкнулась душа

Он презирает опасности, презирает людей.

Глядит смерти в глаза.

Она желанный покой.

— —

Плот уже далеко. Поворот — и скрылся из виду.

Словно и не было его.

Легкая грусть на душѣ. Жалость и обида за проводника.

Зачѣм не сумѣл иначе устроить своей жизни?

Зачѣм покорился этой унылой долѣ?

Зачѣм?

Но. нѣт!

Это не была покорность.

Это было презрѣніе к жизни, к ея благам, не желаніе гнаться за ними.

В этой покорности судьбѣ была и гордость и величіе.

———

Отцвѣтшіе листья безропотно ложатся на землю.

Топчут их, мнут, раскидывают.

С досадой отбрасывают приставшіе к ногам. Дворники их уберут, свезут в навоз. Ими будут удобрять поля.

Земля дала, питала; пришла пора — и зовет обратно.

Принимает, дабы дать новое.

Из земли придет, в землю вернется.

Просто. Мудро.

———

На коньках

Зима.

„Парк Желиговскаго".

Восхитительный уголок природы.

Стройные силуэты, расправившіеся как птицы в полетѣ, плавно скользят на коньках.

Веселыя лица искрящіеся задором, упоеніем спорта. Лица, полныя снисходительнаго презрѣнія ко всему, что не на коньках.

Крупными шагами разбѣжавшись, разсѣкая воздух руками — вдруг застываешь.

Стрѣлой несешься по ледяному простору.

Затаив дыханіе слушаешь учащенное біеніе сердца, біеніе пульса.

Все мелькает перед глазами.

Зеленыя очищенныя от снѣга скамьи, разставленныя полукругом, молодыя елочки глубоко засаженныя в скатанный громадным квадратом снѣг, флаги, развѣвающіеся в воздухѣ.

Черные штрихи обезображенных наготой деревьев так рельефно подчеркивающіе несравненную бѣлизну снѣга, мощным объятьем охватившаго землю.

Горы, бодрящую голубизну неба, пружинныя тѣла конькобѣжцев — все это отмѣчаешь словно из окна курьерскаго поѣзда.

Звуки музыки льются безпрерывно.

Танго, вальс, фокстрот.

Два радіоапарата. Это все. Но и этого достаточно для созданія убаюкивающей сказки.

Молодежь нетребовательна.

——

Всѣм естеством своим ощущаешь: вот гдѣ она—жизнь.

Живая, бодрая, трепетная.

Все остальное—ненастоящее, больное, картинное.

Люди — марiонетки, послушные капризу судьбы.

Инструмент, на котором она практикует и закаляет свою силу.

А вот в мгновенiе, когда разбѣжавшись вольной птицей разсѣкаю воздух,—я выше судьбы.

Я смѣюсь над ней.

Не страшна она.

Я — жизнь.

Она дарит меня пьянящей остротой упоенiя.

Я — вѣчность в мгновенiи.

———

Солнце, нѣжной матерью смягчая безпощадную суровость зимы, золотыми бликами скользит по снѣгу.

Морозный воздух живительной струей промывает легкiя.

Тихую, чистую, поющую радость дает общенiе с природой.

Свѣтлым праздником веселит душу. Ласкает взор гармоничной нѣжностью красок, плѣнительной законченностью тонов.

Как всякое прославившееся произведенiе искусства находит послѣдователей, так безукоризненная природа имѣет своих подражателей.

Небольшое напряженiе памяти.

Из „парка Желиговскаго" я переношусь в иную обстановку.

———

Берлин.

„Admiral—Palas"

Балет на коньках.

Холодное, неуютное помѣщенiе. Земляной

пол. Посрединѣ—огороженное квадратное углубленiе, наполненное огромной глыбой льда.

Гремит оркестр. С жутким свистом завывает искусственный вѣтер.

На сцену заломив в горестном отчаяньи руки выбѣгает дѣвушка с распущенными по плечам волосами и мечется как обезумѣвшая из угла в угол.

Металическiй скрип коньков раздирает воздух. Дѣвушка вся в разодранных лохмотьях.

Вѣтер развѣвает их.

Красочные цвѣтовые лучи прожектора дѣлают их то огненными языками пламени, то зелеными змѣями впивающимися в молодое тѣло смертоносными поцѣлуями, то свѣтло золотистыми лучами солнца

За дѣвушкой гонится женщина с палкой в рукѣ. Грозит кулаком.

Сказка—пантомима.

Про мачиху, падчерицу и влюбленнаго королевича избавителя.

Дѣйствiе разыгрывается вяло. Монотонно. Прыжок и опять прыжок. Опять завыванiе вѣтра и лучи прожектора. Скучно. Блѣдно и жалко это подражанiе природѣ. Не производит надлежащаго впечатлѣнiя. Атмосфера давящая и тянет на улицу. Единственное зачѣм слѣдишь, потягивая из соломинки шампанское — это цвѣтовые лучи прожектора.

Под волшебным их влiянiем дѣвушка с распущенными по плечам волосами неожиданнно превращается в демона, в русалку, в водяную лилiю, в чудный экзотическiй цвѣток.

Но вот вспыхнули электрическiя лампы. Лучи прожектора погашены.

Выходит дѣвушка, кланяется, шлет поцѣлуи.

Она ли это?..

Демон. Русалка. Водяная лилія. Экзотическій цвѣток.

Смѣхотворно!

Это заурядное простоватое личико способно было породить грезы о дремучих лѣсах в знойную лунную ночь, о далеких странах, гдѣ цвѣтут пальмы?

Прочь навожденіе!

Зачѣм она вышла? Зачѣм разбила навѣянныя хрупкія грезы.

Их не собрать.

И не надо.

К чему? Если это обман. Обман свѣтовой.

Пусть гремит музыка. Пусть лучи прожектора видоизмѣняют оболочку дѣвушки с быстротой кинематографической ленты— скучно.

Тянет на улицу.

Подальше от свѣтового обмана.

Ближе к природѣ.

———

Мгновеніе.

Разбѣжавшись — вольной птицей несусь по ледяному простору.

Все мелькает перед глазами.

Словно из окна курьерскаго поѣзда.

В душѣ поющая радость. Радость общенія с природой.

Я выше судьбы.

Я смѣюсь над ней.

Не страшна она.

Я — жизнь.

Она дарит меня пьянящей остротой упоенія.

Я — вѣчность в мгновеніи.

На „Замковой“ горѣ

... И вот я стою на вершинѣ „Замковой“ горы. Стою обвѣянная легендами далекаго прошлаго. Я их слышу в шумѣ вѣтра, читаю в камнях старинных развалин, о них шепчет каждая тропинка, каждый бугорок земли.

Уносишься взором в необъятную даль минувшаго, окутиннаго расплывчатой дымкой таинственности.

Рисуются задумчивому взору воинственныя фигуры дерзких смѣльчаков, рыцарей отважных и благородных душой, напудренные парики, бряцанье сабель.

Гдѣ же все это?

Неужели же все в состоянiи унести легкокрылое время? Или так могущественна всепоглащающая волна жизни?

Нѣт, это невѣрно. Это невозможно.

Идут событiя своим чередом, мѣняются нравы, обычаи, уходят люди, исполнив свою нужную или ненужную миссiю на землѣ. Они уходят, но духи их остаются, они снуют по землѣ и в воздухѣ, они безсметры!

Я это чувствую по охватившей меня робости, по тому благоговѣйному трепету, с каким разсматриваю самую ничтожную надпись, самый незначительный выступ земли.

Вѣтер возмущенно треплет мнѣ одежду, засыпает глаза придорожной пылью, он шепчет мнѣ, он угрожает:

— Уходи отсюда! Как смѣешь ты сюда являться. Тут царство духов—уходи!

Я во власти вѣтра: он меня толкает, я иду дальше.

Грандіозная панорама. У ног моих в живописном безпорядкѣ величаво раскичулся город. Я смотрю на него сверху вниз.

Бдали, сливаясь с горизонтом извилистой темной линіей на много миль вокруг, растянулись лѣса. Сверкают и золотятся под солнцем кресты и купола церквей и костелов на фонѣ лазурнаго неба.

Дома, тѣсно нагроможденные друг подлѣ друга. Домики, постройки и зданія, высокія, стильныя художественно одекорированныя наилучшим художником в мірѣ—природой, зеленью. Пароходы, снующіе по ослѣпительно блестящей лентѣ рѣки, самолеты, гордо рѣющіе в облаках—велика и всеобъятна сила человѣческая!

Но когда я гляжу на этот город сверху вниз, дома кажутся мнѣ хрупкими легкими картонными домиками, сдѣланными чьими то капризными, насмѣшливыми пальцами, а люди, торопливо идущіе внизу,—озабоченными, потѣшно дѣловитыми кропотливыми муравьями, которых в любой момент раздавит судьба своей тяжелой невидящей поступью.

Мнѣ жаль их, они смѣшны, когда я смотрю на них сверху ввиз. Такими мелкими, пустяшными кажутся всѣ их радости и огорченія.

Что значит все это в огромном міровом масштабѣ пространства безконечности.

И человѣк, мнящій о себѣ нивѣсть Бог что—тот же муравей, с полным сознаніем своей полезности несущій соломинку.

Муравей, котораго мы топчем ногами, не замѣчая или не желая замѣчать, разрушая мудро созданный долгим терпѣливым трудом муравейник.

Торопись, человѣк!

Не говори: — Успѣю.

Ибо завтра можешь очутиться под стопой судьбы.

Вѣтер пронизал меня насквозь. Мнѣ холодно.

В раздумьи медленно спускаюсь с горы.

Слуха моего коснулся шум города. Я в садикѣ.

Запестрѣли дѣтскія коляски. Крик. визг, бѣготня.

На скамейках парочки. Гуляют мужчины, женщины.

Заглядыванье, хихиканье, смѣх.

Я прихорашивахсь.

Душа моя заволакивается пеленой повседневности.

Я сливаюсь с массой.

Фатальная забывчивость

Пуля в рот и его не стало. На утро взломали дверь. Он сидѣл в креслѣ, поникнув головой точно спал. Перед ним на столѣ нашли бѣлый запечатанный конверт с надписью: — „Моей женѣ“. На полу валялся револьвер...

Разные толки шли о его смерти. Траурныя афиши гласили: в виду неизлѣчимой болѣзни чахотки...

Ближе знавшіе покойнаго в недоумѣніи пожимали плечами.

— Развѣ? Вот не знали... Бѣдный!

Много было всевозможных предположеній. Говорили и сильно поговаривали о какой-то крупной казенной растратѣ. Вспоминали широкій образ жизни покойнаго за послѣдніе годы. Словом, терялись в догадках. Плохого ничего о нем сказать не могли. Покойный был прекрасным товарищем, добрым, отзывчивым. Любил покутить, ссужал небольшія суммы и не настаивал на скором возвращеніи. Но все это было до свадьбы.

Послѣ свадьбы он отказался от всѣх, посвящая все свободное от службы время свой молодой женѣ Еленѣ. Он всюду бывал с ней и только с ней, так как никто не рѣшался к ним подойти.

Столько ледяного презрѣнія ко всѣм и ко всему было во взглядѣ его красавицы жены. Но его за это не винили. Ему сочувствовали.

Похороны вышли—нельзя лучше. Всего было вдоволь. И народу, и вѣнков, и надгробных рѣчей. Военный оркестр с чувстввм сыграл траурный марш и, соблюдя всѣ приличія, народ стал расходиться.

Безумно рыдала на могилѣ покойнаго его молодая жена. Но никто ни подошел к ней, ве успокоил, не утѣшил. Не произнес ни одной из тѣх привычных банальных фраз, которыми в несчастьи успокаивают ближняго. Наоборот. Офицеры кндали в нее непріязненные взгляды, которые как ядовитыя стрѣлы вонзались в стройную фигурку в глубоком траурѣ. Они превратились в сыщиков, ощупывали каждое ея движеніе, каждый взгляд, не довѣряли ея горю. Чуяли в ней главную причину трагической смерти любимаго товарища.

Много комментар'ем вызвало то обстоятельство, что самоубійство произошло не дома, а в гостинницѣ. И эта мелочь, казалось всѣм, имѣла огромное значеніе.

— —

Внезапная смерть мужа ошеломила пани Елену. Для нея, как и для других его смерть была кошмарной загадкой. Когда у нея требовали разъясненій, она только безпомощно разводила руками и заливалась слезами.

— Быть может какая нибудь семейная причина?

Прескрасные синіе глаза пани Елены на мгновеніе вспыхнули огоньком задѣтой гордости.

— Мы любили друг друга как нельзя больше,—сухо молвила она, давая понять, что дальнѣйшіе безцеремонные разспросы безполезны. Это поняли а больше не настаивали.

— —

Когда первый приступ остраго горя миновал, молодая женщина вспомнила, что не прочитала еще предсмертнаго письма мужа, которое второпях куда-то засунула.

С лихорадочной поспѣшностью она принялась за его поиски. По нѣсколько раз перетряхивала кожаную сумку, карманы пальто, ящики ночных столиков. Шарила, искала, — письма не было.

Молодая женщина задыхалась. Жаркая волна нетерпѣнія подбрасывала ее из угла в угол, с мѣста на мѣсто.

Письма не было!

Она не сумѣет узнать его послѣдних мыслей, предназначенных для нея. Не узнает истинной причины его смерти. О, это ужасно! Невыносимо!

В висках у ней стучало, лицо пылало, глаза метали искры. Еще минута и она будет кричать громко, пронзительно от разрывающей ее душевной боли. Господи! Что дѣлать? Гдѣ искать? Как его найти? Найти во что бы то ни стало.

Она подошла к шкафу. Дрожащими руками доставала пальто, платья, жакеты. Выворачивала карманы, рукава. Все летѣло из ея рук на пол. Гдѣ оно? Гдѣ?

Пани Елена чувствовала, как мутится у нея разсудок, как она неудержимо теряет нить мыслей.

— О, Боже, сжалься надо мной! Укажи! — воскликнула она в параксмзмѣ отчаянья.

Заломила руки и рыдая упала на кучу разноцвѣтнаго тряпья. Она плакала и беззвучно молилась.

Незамѣтно подкравшаяся дремота властно охватила ее, сковала мысли, сковала тѣло.

Она уснула.

И приснился ей сон, живой, рельефный.

———

Она на кладбищѣ. Подходит все ближе и ближе к могилѣ незабвеннаго мужа. Солнце слѣпит ей глаза. Вѣтер играет ея траурной вуалью. Душа ея так покойна. Ничего особеннаго не случилось. Смерть совсѣм не так страшна.

Все равно он—только ея и она только его.

Вот она приходит к нему, бесѣдует с ним, смѣется и она чувствует, что он ее понимает, что ему также хорошо, как и ей.

Она нагибается и рaзсматривает безчисленные вѣнки с надписями и вдруг в пространствѣ между одним вѣнком и другим замѣчает бѣлый запечатанный конверт с надпитью:—„Моей женѣ". Сердце ея дрогнуло радостью.

— Вот счастье, — думает она, — а я его искала и никак не могла найти

Хватает письмо и бѣжит к выходу. Голос мужа зовет ее.

— Елена, Елена, вернись, положи письмо!

Но она, оборачиваясь на бѣгу, кричит торжествующе.

— О, нѣт, теперь я уже к тебѣ не вернусь никогда. Я уже имѣю твое письми...

Споткнулась о большой камень и... проснулась.

——

В окна падал слабый свѣт наступавшаго дня. Пани Елена сильно удивилась, увидѣв, что лежит на полу и не сразу сообразила каким образом здѣсь очутилась. Она встала и прошлась по комнатѣ, вся под властью сна. Безумо болѣла

голова. ныло все тѣло от неудобнаго лежанія. Подошла к окну, откинула занавѣсь.

— Странный сон, — прошепта она, — удивительный. Не вѣщій ли он?

Чѣм дальше, тѣм больше убѣждалась она, что не успокоится, пока не посѣтит кладбище.

Это вполнѣ возможно, что она там потеряла письмо. Слабая надежда постепенно превращалась в увѣренность.

— Там или нигдѣ!

Час спустя молодая женщина приближалась к могилѣ мужа. Как во снѣ солнце слѣпило ей глаза, легкій вѣтерок играл траурной вуалью. Она нагнулась с сильно бьющимся сердцем стала приглядываться к безчисленным вѣнкам и цвѣтам. Надписи прыгали и расплывались перед ея глазами и вдруг она вскрикнула.

В пространствѣ между одним вѣнком и другим она замѣтила бѣлый запечатанный конверт. Схватила его, перевернула и прочла:

„Моей женѣ.

Из глаз ея заструились слезы радостнаго облегченія. Так ей хорошо было в эту мннуту, что она даже не торопилась вскрыть письмо. Она упала на колѣни и вознесла глаза к небу в благодарной молитвѣ.

— —

Вернувшись домой пани Елена не сразу вскрыла письмо. Робость какая-то охватила ее. Чудесным образом найденное, оно пугало ее. Она сидѣла за письменным столом мужа в глубоком оцѣпѣненіи. Письмо лежало перед нею В сторонѣ стоял нетронутый обѣд. День клонился к вечеру. Жуткую давящую тишину кабинета нарушило какое то легко шипѣніе, донесшееся из сосѣдней комнаты, а затѣм раздался неторопливый отчетливый бой часов. Молодая женщина

насторожилась и машинально отсчитывала удары. Семь часов. Скоро вечер, а затѣм безсонная ночь в тоскѣ и слезах.

Пани Елена встала. По охватившему ее волненію она поняла, что сейчас вскроет письмо. Что глупо и незачѣм дольше откладывать. И так прошло уже три недѣли со дня смерти мужа и она все еще не знала истинной причины его трагическаго ухода. На что это похоже. Вѣдь жили же они вмѣстѣ три года. Были счастливы. Ей казалось, что она его так хорошо знает. Что никаких тайн между ними нѣт и не может быть. Он посвящал ей все свободное от службы время. Как он красиво умѣл разнообразить их жизнь. Его внезапная смерть была ей дико непонятна.

Неожиданным быстрым движеніем она вскрыла конверт, заглянула внутрь его и... остолбенѣла...

Конверт был пуст. Письма не было. Молодая женщина вскрикнула и лишилась чувств...

Очнулась в постели. Около нея хлопотала перепуганная горничная. Пани Елена улыбнулась: — Ну, чего ты так испугалась, Зося? Мнѣ уже лучше.

— Быть может позвать доктора?—недовѣрчиво отнеслась к ея словам горничная.

— Нѣт, не надо. Пустяки. Я сегодня слишком много волновалась. Но это уже прошло и я вполнѣ спокойна. Подай мнѣ с письменнаго стола бѣлый коверт.

Зося принесла.

— Можешь выйти. Приготовь мнѣ чаю с лимоном и вообще я голодна. Накрой к столу, я сейчас встану.

Зося, успокоенная, вышла.

И, дѣйствительно пани Елена чувствовала себя вполнѣ здоровой. На душѣ было тихо, спокойно. Она с аппетитом закусывала и раздумывала о том, как теперь сложится ея жизнь. В матерьяльном отношенiи она устроена недурно. Физически чувствует себя молодой и красивой. Встрѣчаться со знакомыми? Нѣт никакого смысла. Это лицемѣрное сочувствiе, соболѣзнованiе ея горю которое она как то сразу перестала ощущать и этот длинный срок траура, казавшiйся ей сейчас таким безконечным — все это были вещи весьма непрiятныя. Покажись она в каком-нибудь публичном мѣстѣ, — сразу осудят. — Смотрите, у ней только три недѣли как умер муж а она уже развлекается. Вот безстыдница! Пани Елена презрительно пожимает плечами. — Как глупо. Как будто можно опредѣлить степень и продолжительность горя. Она вот сейчас чувствует, что ей прямо необходимо развлечься, что давит ее эта тишина, что не сумѣет она жить в одиночествѣ. Самое лучшее было бы уѣхать куда-нибудь. Например, в Варшаву, к сестрѣ. Та не осудит. Сестра—художница. У ней много знакомых. И к тому же она неоднократно ее приглашала. Вот она теперь и воспользуется

Не откладывая своего рѣшенiя в долгiй ящик, пани Елена тут же принялась с помощью повеселѣвшей Зоси за упаковку. Вещи брала самыя необходимыя.

— Я ѣду к сестрѣ на нѣкоторое время, — сказала она Зосѣ. — Ты тут слѣди, чтобы все было в порядкѣ. Когда захочу вернуться, пришлю телеграмму.

Когда вещи были упакованы, молодая женщина опять взяла в руки злополучный конверт. Тщательно разглядывала его со всѣх сторон. — Несомнѣнно, это почерк мужа. Написал адрес, задумался, а потом заклеил конверт, в полной

увѣренности, что письмо уже написано и вложено. Как это похоже на него, подумала пани Елена почти с непріязнью. Одновременно припомнились ей многія мелочи их семейной жизни, когда непростительная забывчивость мужа доставляла ей немало огорченій.—Даже разсказать кому-нибудь стыдно. Никто не повѣрит.

Как бы то ни было — он унес в могилу тайну своей смерти. Загадка осталась неразгаданной но пани Елена потеряла всякій интерес к этой загадкѣ.

Ночной поѣзд увез ее в Варшаву.